Мальтийский апельсин

Автор:
Анна Данилова

Мальтийский апельсин

Анна Данилова

Детектив Юлия Земцова #9

Идея вечеринки, принадлежащая эксцентричной и безрассудной Ольге Астровой, заключалась в том, чтобы устроить необычный конкурс: кто больше всех удивит гостей и хозяев при встрече, тому и приз – тысячу долларов! Лера Тарвид загримировалась под мужчину и представилась работником прокуратуры, собирающимся арестовать хозяина дома. Лена Сайганова появилась перед гостями в наряде из птичьих перьев, чем заслужила аплодисменты. Таня Камышина испекла пирог с долларовыми купюрами вместо начинки. Все подумали, что это и есть основной прикол, однако самое интересное было впереди… В садовом домике зарезана устроительница конкурса Ольга. На одежде и теле убитой найдены следы бутафорской крови: оказывается, чтобы разыграть собравшихся, Ольга изобразила труп, но неведомый убийца придумал для этого розыгрыша несмешное завершение – помог ей умереть по-настоящему…

Анна Данилова

Мальтийский апельсин

* * *

Еще сегодня утром я ненавидела ее всем сердцем и – чего уж там! – желала ей смерти. Но теперь, когда ее нет, я не могу поверить в реальность происходящего. Так не бывает. Это слишком хорошо и слишком отвратительно. Я не должна была желать ей смерти. Но она мертва. Так сказал не только доктор, но и все остальные, которые столпились там, в саду, – не все, правда, смогли подойти к ней и прикоснуться хотя бы к ее руке. А ведь еще совсем недавно многие могли не только прикоснуться к ней, но и владеть ею, ее прекрасным телом, целовать ее губы и глаза, волосы…

Она очень хотела нас удивить, так удивить, чтобы у всех перехватывало дыхание, чтобы кровь стыла в жилах, чтобы волосы вставали дыбом! И удивила… Нож был настоящий. Сердце – тоже. И только кровь, говорят, была киношная, которая смешалась с настоящей… Как много бы я дала, чтобы узнать, кто же был там, в саду…

Глава 1

Игорь Шубин курил, глядя в залитое дождем окно, когда к нему в кабинет, робко постучавшись, вошла новая секретарша Женя. На этот раз она принесла бутерброды и большую чашку горячего кофе. Детективное агентство Крымова и Земцовой постепенно превращалось в вотчину Шубина. Однако официальной хозяйкой продолжала числиться Юля Земцова, временно отошедшая от дел в связи с беременностью. Она вот уже полгода жила на юге Франции, хотя последнее электронное письмо прислала Игорю из Лондона, где гостила у Вудза, своего хорошего знакомого. И ни слова о Крымове, Шубин так и не понял, вместе они или нет. После того как была уволена Надя Щукина, прежняя секретарша, Игорь сам, через знакомых, нашел себе новую помощницу, совсем молоденькую девчонку, а потому совершенно не испорченную ни связями, ни деньгами. Ее звали Женя Жукова. Худенькая, с копной рыжих стриженых волос, кареглазая, умненькая и живая, она сразу понравилась Игорю.

– Тебя как звать-то? Женя Жукова? И кто это придумал тебя назвать именно так – Женя?

– Нормальное имя, – попробовала обидеться Женя, хотя взгляд ее веселых глаз говорил о другом. Ей тоже нравился Игорь, такой же рыжий, такой же быстрый и живой, как она. – Если хотите, зовите меня Жэ-жэ. Так звали меня в школе. Или Жу-жу.

– Нет, лучше оставим как есть: Женя Жукова. Ты хотя бы немного представляешь, Женя Жукова, чем тебе придется здесь заниматься? Что тебе сказали наши общие знакомые о нашем агентстве?

– Честно?

– Хорошо бы.

Она пришла по рекомендации судмедэксперта Леши Чайкина, который познакомился с ней на какой-то вечеринке и, узнав о том, что она только что окончила Академию права, следственно-криминалистический факультет, предложил ей работу в частном детективном агентстве. Знакомство шапочное, но Шубин почему-то доверился интуиции Чайкина.

– Леша сказал, что работа грязная, тяжелая, нудная, смертельно опасная и к тому же еще и неблагодарная. Думаю, поэтому-то я и согласилась. Хотя варить по утрам кофе и делать бутерброды не так уж и опасно, вы не находите?

– Нет, я нахожу твои бутерброды замечательными, а про кофе вообще молчу… Но не думаю, что твоя работа только этим и ограничится.

– Если вы имеете в виду знакомство с Норой из НИЛСЭ (Научно-исследовательская лаборатория судебных экспертиз), то это дельце я уже провернула. Позвонила ей, представилась, сказала, что в курсе совместной работы, после чего мы с ней встретились, выпили по чашке чая с пирожными и расстались если не подругами, то, во всяком случае, хорошими приятельницами.

Нора, превосходный эксперт, работала на агентство неофициально и, занимаясь экспертизами параллельно со своими прямыми обязанностями, связанными с заданиями прокуратуры и служб системы МВД, регулярно получала за свою работу и молчание «зарплату». Поддерживать контакт с ней, давать ей поручения и отслеживать результаты вменялось в обязанность в свое время прежней секретарше Наде Щукиной. Следовательно, теперь эта обязанность

автоматически переходила к Жене. Ее осведомленность понравилась Шубину, поскольку за этим стояло желание новой секретарши зарекомендовать себя с хорошей стороны и поскорее добиться того, чтобы ей начали поручать ответственные дела, помимо варки кофе и приготовления бутербродов. Правда, особой нужды в этой спешке не было: с тех пор как Женя поступила на работу, в агентство не зашел ни один клиент.

– Это тебя Чайкин просветил?

– Да, кто же еще, – искренне призналась Женя и улыбнулась своей обезоруживающей и нежной улыбкой. – Он вообще хороший. Только не понимаю, как можно вот так с утра до ночи работать с трупами, вспарывать им животы и дышать этим смрадом…

В кабинете было темно, хотя наступил полдень. Сентябрьский дождь, серое небо, проглядывающее сквозь ветви деревьев за окном, постукивание капель по стеклу – все это навевало грустные мысли и вызывало желание спать.

– Здесь что, всегда так? – спросила Женя, задумавшись и машинально взяв с подноса бутерброд с сыром.

– Как? – в тон ей, думая тоже о чем-то своем, спросил Шубин.

– Никого нет. Только мы с вами. Это потому, что Земцовой нет?

– Ни слова о драконах, – шутливо погрозил он ей пальцем, давая понять, что не желает говорить о Земцовой с кем бы то ни было. – Сегодня – нет, а завтра кто-нибудь да придет. Наслаждайся пока тишиной, включи музыку, а если хочешь, поспи в комнате отдыха на диване. Мне и самому, если честно, как-то не по себе. Хотя, с другой стороны, если никто не приходит, значит, в Багдаде все спокойно. Налей мне лучше еще чашечку кофе…

И в эту минуту прозвенел звонок. Но не телефонный. Кто-то стоял на крыльце агентства и жал кнопку звонка.

– Клиент. – Женя так и замерла с подносом в руках. – Надо же: клиент! Открыть?

– Открой. Сама встретишь или мне с тобой пойти?

– Нечего со мной ходить, я и сама справлюсь.

Женя проворно вынесла из кабинета поднос, поправила прическу в приемной перед зеркалом и, постукивая каблучками, понеслась к двери. Предварительно взглянув в глазок, она увидела худое красноносое лицо, принадлежащее молодому человеку лет двадцати пяти. Женя храбро распахнула дверь и впустила парня.

– Это детективное агентство Крымова?

– Да, почти.

– Как это почти?

– Не пугайтесь, это действительно детективное агентство, но только не Крымова, а Земцовой. Вы пришли именно туда, куда нужно. Проходите, пожалуйста. У вас дело?

Она спросила так потому, что ей следовало в считаные секунды решить, предлагать посетителю кофе или нет. А вдруг он какой-нибудь коммивояжер, а она станет перед ним вытанцовывать с подносом в руках?

– Да, у меня дело.

– Кофе?

– Не откажусь. И еще, если можно, сигарету, мои кончились.

Женя дала ему две сигареты и проводила к двери кабинета Шубина. Она немного нервничала, так как не знала, как себя вести и что сделать, чтобы Шубин позволил ей войти в кабинет вместе с посетителем. Ей страсть как хотелось присутствовать при разговоре. Но внезапно дверь кабинета открылась, и Шубин сам вышел навстречу молодому человеку.

– Меня зовут Игорь Шубин. Это моя помощница, стажер. Пожалуйста, вот кресло. Садитесь и рассказывайте, что с вами случилось.

Все трое расположились в приемной, и сразу же наступила несколько напряженная тишина.

– Моя фамилия Гольцев, – начал молодой человек, заметно нервничая и затягиваясь сигаретой. – Зовут Александр, можно Саша. Я пришел не из-за себя. Близкий мне человек попал в беду. Она скрывается, понимаете? Хотя ни в чем не виновата. Ее подставили. Ведь невозможно постоянно прятаться, ее жизнь превратилась в настоящий ад! Ее обвиняют в двойном убийстве. А она – сущий ангел, и я очень люблю ее. Единственно, чем ей сейчас можно помочь, это найти настоящего убийцу. Деньги у нас есть, поэтому я и пришел. Только одно условие: милиция ничего не должна знать. Если кто-нибудь узнает о том, где она, ее схватят. Я пришел сюда потому, что два года тому назад мне много рассказывала о вас, Игорь, и о Земцовой одна моя знакомая, Наташа Зима, вы ее хорошо знаете… И я уверен в том, что вам можно доверять. Ну вот, я все и сказал…

Игорь с Женей переглянулись.

– Как зовут вашу подружку и что с ней случилось? – спросил Шубин. – Кого-то убили?

– Ее зовут Таня Камышина… Думаю, вы уже слышали об этом деле. Дача в Бобровке. Два убийства…

– Признаться, не слышал.

– Да? А я думал, что вы читаете газеты, смотрите телевизор… В Бобровке находится дача Сайгановых. Вы хотя бы это знаете? – Он был явно возбужден и, казалось, не верил тому, что кто-то еще мог не знать о том, что произошло в Бобровке на даче у Сайгановых.

– Сайгановы? Да, что-то такое слышал… Кажется, там пару дней тому назад убили сначала женщину, а потом и самого хозяина дома, так?

Шубин, конечно, лукавил, когда говорил, что ничего не слышал и не знает о происшествии в Бобровке. Он видел и репортаж в вечерних новостях об убийстве и слышал, что подозреваемая – родственница убитого бизнесмена Сайганова – скрылась и находится в розыске. Знал он также и то, что незадолго до убийства хозяина в садовом домике был обнаружен труп женщины…

– Сайганов – известный предприниматель, – продолжал Гольцев, затягиваясь сигаретой так, что щеки его, напоминавшие тонкую пергаментную бумагу, втягивались, образовывая под скулами большие темные впадины. Руки его дрожали. – 3 сентября, то есть два дня тому назад, они с женой пригласили к себе на дачу, даже не на дачу, а в загородный дом, большой, двухэтажный, с телефоном, компанию, в том числе и меня. Значит, так, записывайте, кто там был: сам Сайганов, его жена Лена; Таня Камышина – его дальняя родственница и одновременно домработница, она жила у них почти два года; Лера Тарвид со своим парнем по имени Юлий; Ольга Астрова со своим приятелем Валентином, доктором; и я… Со мной вместе восемь человек. И мы все, понимаете, все, кроме Ольги, были за столом, когда это случилось. У нас у всех, абсолютно у всех, есть алиби, но Ольгу убили… В садовом домике. Кто-то посторонний вошел в калитку со стороны леса или перелез через забор, а может, и прошел через ворота, я не знаю, и убил ее. Ножом. Это было ужасно… Вы бы видели эту компанию и как все это начиналось! Они решили всех удивить, каждая из женщин положила в кубышку двести долларов, итого восемьсот, но Дмитрий Сайганов сказал, что добавит, чтобы получилась тысяча долларов. Это – приз тому, кто удивит всех нас. Нам было так весело, так замечательно! Лена была птицей…

Глава 2

Лера

Лера Тарвид работала бухгалтером в одной небольшой, но преуспевающей фирме, занимающейся продажей оргтехники и компьютеров. На вид ей было около двадцати пяти лет. Худощавая, стройная, с большими черными глазами и бледной кожей, она носила круглые очки в золотой оправе и в одежде предпочитала строгий деловой стиль. Однако в своем офисе появлялась редко, поскольку всю работу делала преимущественно дома. Она жила одна в старом доме на Лермонтовской улице, неподалеку от Музейной площади, и вела

довольно замкнутый образ жизни. Единственной подругой Лера считала поселившуюся два года назад в том же доме Ольгу Астрову, красивую блондинку двадцати пяти лет, работавшую менеджером в одной из косметических фирм. Девушки познакомились случайно, на рынке под названием «Пешка», расположенном в двух шагах от дома, где вместе покупали ранние огурцы и зелень. Разговорились, познакомились, а уж когда выяснилось, что они живут в одном доме, так и вовсе стали встречаться чуть ли не каждый день. Не задумываясь над тем, что особенного нашла в ней Ольга, Лера, в свою очередь, потянулась к Ольге как к человеку, являющемуся ее полной противоположностью. Все – и во внешности, и в характере, и в привычках поражало воображение впечатлительной, но очень скрытной Леры. Темноволосая, не очень красивая, хотя и довольно яркая, с оригинальным лицом и страшно закомплексованная на своей внешности и неуверенная в себе, Лера, повстречав на своем пути Ольгу, почувствовала острую необходимость примерить на себя облик и характер своей новой знакомой. Ольга была красива, умела пользоваться косметикой, хорошо и просто одевалась. И хотя в ее квартире царил самый настоящий хаос, все кресла и диваны были завалены одеждой, сумками, плюшевыми игрушками, коробками с пудрой и духами, Лера, оказавшись там, чувствовала себя счастливой, попав в другую, вызывавшую в ней любопытство и желание во всем подражать новой подруге, жизнь. Ей нравилось в Ольге все. До встречи с Ольгой Лера, встретив красивую девушку, которая отвечала ее представлениям о красоте и манере поведения, часто задумывалась о том, что хотела бы иметь возможность поближе познакомиться с такой особой, хоть краешком глаза подсмотреть чужую жизнь, прикоснуться к чужим вещам… Попробовать преобразиться и самой с помощью всех тех средств и ухищрений, которыми пользуются красавицы, чтобы выглядеть так же уверенно, ослепительно и сексуально. Лера не пользовались успехом у мужчин. Это пошло еще со школы. Ее никто и никогда не приглашал на танцы, она и целоваться-то толком не умела и всегда переживала, что так ничему и не научится, состарится и умрет девственницей. Встреча с Ольгой Астровой и здесь помогла ей преодолеть многие психологические барьеры: с легкой руки подружки она познакомилась с одним парнем, который благополучно избавил ее от мучившей ее девственности и даже успел кое-чему научить, прежде чем исчез из ее жизни. Зарабатывая хорошие деньги, Лера получала удовольствие от того, что могла покупать у подруги поношенные, но «шикарные», по их обоюдному мнению, вещи. Бог знает, как они попадали в руки Ольги, но все кофточки, туфельки были сделаны из каких-то невообразимых материалов и отличались изяществом и неповторимостью. Ольга предпочитала носить одежду из мягких и тонких тканей, натуральной кожи, все вещи были женственны и элегантны и выгодно подчеркивали все самое красивое, что имелось в женском

теле. Так она любила платья с одной открытой почти полностью грудью. Она могла свободно прогуливаться по городу в вечернее время в таком платье, заставляя прохожих сворачивать себе шеи и отпускать в ее адрес сальные шуточки. Все это ее сильно забавляло. Она встречалась с мужчинами, как правило, женатыми, состоятельными и способными содержать ее. Очень скоро Лера поняла, что Ольга никакой не менеджер и что большой плоский портфель с образцами, набитый помадой и карандашами для губ, – лишь бутафория, желание скрыть истинное положение вещей. Ольга Астрова, переехав из Москвы в Саратов и прочно обосновавшись в уютной двухкомнатной квартирке с высокими потолками и чудесным балконом в стиле модерн, нигде не работала и жила лишь на средства мужчин. Пожалуй, это была единственная черта в образе жизни Астровой, которой Лера не приняла бы никогда и на которую она закрывала глаза. Дело в том, что Лера Тарвид хотела быть похожей на Ольгу лишь внешне, внутренне желая оставаться прежней Лерой, основательной и любящей во всем порядок бухгалтершей, которой доставляло удовольствие заниматься своей профессиональной деятельностью и получать за это деньги. Она считала, что только такая девушка заслуживает всеобщего восхищения: красивая и соблазнительная красотка, сводящая с ума мужчин, но умеющая зарабатывать себе на жизнь честным и упорным трудом. Ей нравилось приходить в офис с портфелем, набитым важными документами, хранящими в себе секретную информацию о подлинных доходах фирмы. Ей нравилось, что ей доверяют и что дела ее находятся в таком идеальном порядке, что ни одна комиссия, ни одна проверка ни при каких обстоятельствах не выявит в потоке документов ни одной «левой» бумажки. Хотя фирма с самого своего основания действовала «черным налом» и имела благодаря этому высокий процент прибыли. Кроме того, Лера была настолько умна, что никогда не оставляла своей подписи на документах, касающихся крупных кредитов: ей удавалось проворачивать дела своего шефа всегда с помощью подставных лиц. Для Леры все эти ухищрения являлись своего рода игрой, которая доставляла ей настоящее профессиональное удовлетворение. Руководство фирмы ценило ее и делилось прибылью. Поэтому примерять на себя образ жизни Ольги, благополучие которой строилось на сомнительных связях с мужчинами, она не собиралась. Более того, она втайне желала когда-нибудь, когда Ольга в силу обстоятельств, от нее не зависящих, останется без средств к существованию, заставить прочувствовать всю непрочность ее положения, уязвимость и несостоятельность ее жизненных принципов. Она еще не решила, поможет ли она ей или, напротив, позволит себе насладиться ее унижением, но такие мысли уже бродили в ее голове.

Они встречались обычно по вечерам, когда Лера заканчивала работу. Чаще всего Ольга сама приглашала подругу к себе, угощала ужином, болтала с ней, делясь своими ближайшими планами, рассказывала ей о своем очередном любовнике, после чего они шли на прогулку в центр города или на какой-нибудь спектакль в драмтеатр. Иногда, если погода была скверная, шел дождь или было просто холодно и неуютно на улице, подруги отправлялись в какой-нибудь ресторан, где заказывали плотный горячий ужин и вино. Благодаря Ольге Лера научилась укладывать свои тяжелые темные волосы в высокую прическу, открывающую ее гладкий красивый лоб и делающую лицо более привлекательным и живым, научилась ухаживать за кожей и делать макияж. Ольга, ее личный имиджмейкер, сама следила за тем, чтобы Лера всегда выглядела стильно и изысканно даже в том случае, если ее одежда была куплена в секонд-хенде, где подруги нередко находили необычные, оригинальные вещи. Но в большинстве случаев одежда теперь покупалась в Москве, в дорогих бутиках, куда подруги ездили примерно раз в месяц «развеяться», как говорила Ольга. Отправлялись налегке, в Москве останавливались в недорогой гостинице, целый день ходили по магазинам, а вечером, смертельно уставшие и нагруженные пакетами, отдыхали, принимали душ, ужинали китайской горячей лапшой и заваливались спать. Им было хорошо вместе, хорошо и весело. И так бы все и продолжалось, если бы в жизни Леры Тарвид не появился мужчина. Его звали Дмитрий. Вообще-то он появился не у Леры, а у Ольги, но так случилось, что когда Лера увидела его, то вся ее жизнь до этой встречи показалась ей лишь долгой подготовкой к такому сильному психологическому потрясению. И все равно она была не готова к тому необыкновенному чувству, которое охватило ее при виде этого неулыбчивого и бледного господина в идеально сшитом костюме и черном пальто. Дмитрий Сайганов приснился ей в ту же ночь. Она, не заинтересовавшись по-настоящему ни одним из мужчин, которых ей предлагала время от времени Ольга, поняла, что только этот человек способен заставить ее ощутить себя женщиной. Она не знала, почему именно он, не понимала. Она видела его всего лишь раз, но этого оказалось достаточно, чтобы она потеряла покой и сон. Темные глаза, плотно сжатые губы, черные, с проседью, волосы, аккуратный нос и красные, словно воспаленные, губы – таким запомнила она его в тот вечер, когда впервые столкнулась с ним в передней квартиры Ольги. Он уходил, а она только вошла. Ольга сказала, нервно смеясь и будто извиняясь за то, что позволила этой встрече произойти: «Это моя подруга, Лера». И все. Он ушел, Лера осталась.

– Кто это?

– О! Эта рыбка даже мне не по зубам. Ты себе не представляешь, каких усилий мне стоило заманить его сюда. Говорят, он по уши влюблен в свою жену, редкую красотку.

– Но он же был здесь… Значит…

– Нет, к сожалению, это еще ничего не значит. Он просто искал одного своего знакомого, который дал ему этот адрес. Так что романтических отношений уже не получится. Он знает, что у меня бывают мужчины. Хотя мне показалось, что я понравилась ему… Не знаю. Но с таким мужчиной я бы провела ночь без всяких денег. Я бы сама заплатила, чтобы только уложить его в свою постель. Быть может, именно потому, что он не такой, как все, и не изменяет своей жене.

– Он из администрации?

– Нет. Бизнесмен. Сайганов.

И Лера закружилась в своих чувствах и желаниях. Была весна, светило солнце, и она ходила по городу пьяная оттого, что теперь ей было наконец кого любить, по кому страдать и рыдать в подушку. Такого с ней еще не бывало. Она понимала, что Сайганов недоступен, что, если уж такая женщина, как Ольга, чувствует, что он недосягаем для нее, то что говорить о такой неуклюжей дурнушке, какой ощущала себя на тот момент Лера? Она, которая постепенно начала привыкать к тому, чтобы нравиться себе, вдруг увидев свое отражение в зеркале, разрыдалась. Ее стали раздражать тяжелые и трудные волосы, которые приходилось каждый день укладывать с помощью великого множества шпилек, укладочных пенок и лака. Ей хотелось носить такую же светлую и легкую копну кудрей, как у Ольги. Вместо ставшего ей ненавистным малинового лака для ногтей ей хотелось пользоваться розовым. И помаду надо было сменить на более бледную или оранжевую, солнечную. Она захотела быть другой, более нежной и беззащитной, распущенной и несчастной, – именно такой, какой была в общении с мужчинами Ольга. Но покрасить волосы и изменить свой облик она не успела. То, что произошло с ней спустя пару дней после той памятной встречи с Сайгановым в квартире Ольги, заставило ее по-другому взглянуть на себя и на мужчин тоже.

Это было 5 мая, в субботу. Лера приготовила салат из свежих помидоров, запекла утку и позвонила Ольге, чтобы пригласить ее к себе на обед. За день до

этого они договаривались пообедать вместе. Ольга еще обещала принести ей журналы и какую-то кожаную юбку, которую она собиралась продать. Но на звонок никто не отвечал, слышались лишь длинные гудки. Вспомнив, что накануне в Ольгином подъезде кому-то устанавливали телефон и что по этой причине телефон мог быть просто отключен, Лера решила зайти к подруге. Она оделась и вышла из подъезда. Зашла в соседний, поднялась и позвонила в дверь. Ольги дома не было. Или же она была не одна и не захотела открывать. Лера повернулась уже, чтобы уйти, как из лифта вышел Сайганов. У нее все оборвалось внутри. Кровь прилила к лицу. Ей казалось, что это сон, разгулявшаяся фантазия, бред, наконец! Но это был он, Дмитрий Сайганов собственной персоной. От него почему-то пахло мятой. Все то же черное пальто, густые черные волосы с проседью, матовая бледная кожа, темные глаза с тяжелыми веками и плотно сжатые губы. Лера шарахнулась от него к лестнице, она хотела сбежать, но вдруг услышала за спиной:

– Вас, кажется, Лера зовут?

На ней был плащ, а под ним – халат. Нет, не в таком виде мечтала она предстать перед мужчиной, о котором так много думала и один вид которого вызывал в ней трепет и самый настоящий страх. Да, она боялась его, боялась, что ею пренебрегут, недооценят, унизят или вообще не заметят. Странное, тяжелое и болезненное чувство, смешанное с оглушительной радостью, надеждой и томлением.

– Да. А вы… вы к Ольге? Ее нет…

Сайганов сделал шаг вперед и нажал на звонок. Звук его, показавшийся Лере невообразимо громким, эхом прокатился по всему подъезду, но дверь так никто и не открыл.

– И правда, нет.

– Хотите, можете подождать у меня.

Она и сама не поняла, как могла сказать такое. Слова вырвались словно помимо ее воли, но это было отражение ее подлинных мыслей и желания. Ее всю колотило.

– Хочу. Я все хочу… – услышала она и обмерла.

Он повернулся к ней, и она сразу поняла, что он пьян. Во рту он явно держал мятную пастилку, потому что, когда приблизился к ней и заглянул ей в глаза, она снова почувствовала этот сильный запах мяты, смешанный теперь с запахом водки или коньяка.

Она шла, пошатываясь, а он – за ней. Они вошли в подъезд, поднялись к ней. Она предложила ему салат, но он что-то пробормотал в ответ. Затем резко повернулся, схватил ее и принялся целовать. Жадно, страстно, словно они были любовниками, долго не виделись и вдруг встретились неожиданно и захлебнулись в желании. Она понимала, что это свое мужское желание он нес другой женщине, которой не оказалось дома. Он просто хотел женщину, и ему, видимо, было все равно, кто перед ним. И ее имя он вспомнил случайно, память сама услужливо подсказала ему, как зовут подругу той, к кому он пришел. Все произошло на редкость быстро и тихо. Она отдалась ему сразу, без слов, позволив сделать с собой все, что он хотел. Но даже так она получила его тоже всего, без остатка, и испытала все то, о чем только можно было мечтать. В его руках она стала настоящей женщиной, жадной до ласк, до любви. Она старалась не думать о том, что заменила ему Ольгу.

Он уснул. Но проспал всего полчаса, после чего встал, поцеловал ее между ног, словно благодаря именно это место за доставленное ему удовольствие, и ушел, тихо притворив за собой дверь. Даже телефона не спросил…

Глава 3

Женя

Женя Жукова приняла приглашение Шубина пообедать в небольшом кафе на соседней с агентством улице, рассчитывая услышать его мнение о Саше Гольцеве и его деле. Это был уютный погребок с салат-баром, где кормили просто, но вкусно и недорого. Женя заказала себе отбивную, а Шубин – фаршированную рыбу. Посетителей в кафе почти не было, если не считать одного молодого человека в длинном свитере, сидящего у самого бара и меланхолично жующего сухарики, запивая их пивом из высокой прозрачной

кружки.

– Вы думаете, он еще вернется? – спросила Женя, кроша пальцами хлеб.

Дело в том, что после своего рассказа Саша Гольцев, выяснив для себя, что Шубин согласен взяться за поиски убийцы Ольги Астровой, спросил, сколько это будет стоить, и, услышав сумму, вдруг побледнел, сказал, что ему надо подумать, и очень быстро ушел. «Я позвоню вам в течение дня».

– Сначала давай договоримся, что ты перестанешь «выкать».

– Если получится, – пожала плечами Женя.

– Дело, я тебе скажу, интересное. Да только непонятно, зачем Гольцеву понадобилось нанимать меня, чтобы найти убийцу Астровой, если для того, чтобы защитить Камышину, достаточно доказать именно ее невиновность.

– Но как же… ты, – она заметно смутилась, перестраиваясь на принципиально другие отношения со своим шефом, – как же ты иначе сможешь доказать ее невиновность, если убийца неизвестен? Понятное дело, надо искать настоящего убийцу. Но нельзя забывать, что в Бобровке убита была не одна Астрова, но и хозяин дома – Сайганов. И еще неизвестно, сколько убийц орудовало в доме. Астрову мог убить один человек, а Сайганова – совершенно другой. Мне только не совсем понятно, почему подозревают именно эту несчастную домработницу Камышину?

– Гольцев волновался, его рассказ получился сумбурным и не совсем понятным, но все-таки кое-что я себе уяснил. Итак, – Игорь кивком головы поблагодарил официантку, поставившую перед ним большую тарелку с фаршированной рыбой, украшенной зеленью и ломтиками лимона, и зацепил вилкой маслину, – 3 сентября в доме Сайгановых в Бобровке собралась компания: Сайганов со своей женой Леной, Таня Камышина с Сашей Гольцевым, Лера Тарвид со своим спутником Юлием Прудниковым…

– Ты запомнил все фамилии?

– У меня работа такая, – улыбнулся ей Игорь. – И, наконец, Ольга Астрова со своим мужчиной, кажется его зовут Валентин Нечаев. Итак, сколько человек?

– Всего восемь. Четыре пары.

– Правильно. Собрались для чего?

– Просто так, как я поняла. Приехали по приглашению хозяев в гости, чтобы отдохнуть, развлечься. Обычное дело.

– Вот именно! Развлечься!

Женя вспомнила глаза Саши Гольцева в тот момент, когда тот рассказывал о том, каким образом компания хотела развлечься.

«Конечно, все это придумала Ольга, то есть сама жертва, – говорил Гольцев с кислой миной, демонстрируя свое презрение по отношению к Астровой, которую, судя по всему, недолюбливал. – Она всегда отличалась от всех своих подруг, так говорила Таня. Ольга часто бывала у Сайгановых, поэтому Таня могла наблюдать за ней в течение довольно длительного времени. Ольга была очень красивой молодой женщиной, и многие из их круга подозревали ее в связи с Дмитрием. Но Лена, жена Дмитрия, никому не верила. Да и внешне эта пара казалась вполне счастливой и благополучной. Глядя на Дмитрия, никогда нельзя было сказать, что он бабник. Дмитрий был всегда очень серьезным, неразговорчивым и словно бы лишенным эмоций. У него было какое-то непроницаемое лицо. Казалось, что он постоянно о чем-то думает. Но он и думал, ведь у него был большой бизнес, он страшно занятой человек был… Даже не верится, что его больше нет. Так вот, я отвлекся. Я начал с того, что Ольга была не похожа на своих подруг. Почему? Постараюсь объяснить. Конечно, она была красива, об этом я тоже говорил, но еще она была большой оригиналкой, ярко и вызывающе одевалась, любила быть в центре внимания, всегда много шутила, рассказывала анекдоты, хорошо танцевала, пела, аккомпанируя себе на гитаре. С ней никогда не было скучно. Казалось бы, веселая баба, чего еще нужно? Но что-то в этой ее веселости было злое, агрессивное… Она словно кому-то что-то постоянно доказывала или просто вымещала на других свою досаду. Это невозможно объяснить! И взгляд у нее был недобрый. К тому же она была нервная, много курила и любила выпить. В ней не было мягкости и женственности, как, скажем, у Тани. Не было элегантности Лены Сайгановой. Не было того порядка в голове и душе, какие

отличают Леру Тарвид, бухгалтершу. Быстрая и резкая в движениях, порывистая, вечно куда-то спешащая, она была сгустком энергии… И это именно она предложила собраться не просто для того, чтобы напиться, а чтобы провести время с интересом. Она так и сказала…»

Женя вернулась к разговору с Шубиным.

– Итак, идея вечеринки, принадлежащая эксцентричной Ольге Астровой, – продолжал рассуждать Игорь, – заключалась в том, чтобы все четыре девушки постарались удивить компанию. Чем угодно и как угодно. Но чтобы путем открытого голосования была объявлена безоговорочно только одна победительница, чтобы ни у кого из присутствующих не оставалось сомнения в том, что это именно она выиграла приз – тысячу долларов.

– А что, отличная идея, между прочим… Вот если бы мне предложили принять участие в такой вечеринке и на таких условиях, я бы, пожалуй, долго голову ломала, чем в наше время можно удивить людей.

– Гольцев сказал, что удивить предлагалось чем угодно. Это мог быть какой-то оригинальный наряд, к примеру. Или же девушка могла появиться на вечере с президентом России! Конечно, она бы выиграла конкурс. Вне всякого сомнения.

– Да уж, тогда и голосовать не пришлось бы…

– Итак. Чем решила удивить хозяйка дома – Лена Сайганова?

– Она оказалась не очень оригинальной, хотя и постаралась поразить воображение гостей. Она обклеила свое обнаженное тело птичьими перьями. На лице ее, по словам Гольцева, была стоившая явно немалых денег маска, где вместо носа был аккуратный острый клюв, переходящий в головной убор, напоминающий голову какой-то фантастической птицы.

Глава 4

Лена Сайганова

Лена Сайганова вот уже два дня как не покидала своего загородного дома. Привыкшая к постоянному присутствию в доме Тани Камышиной, которая вела все хозяйство и поддерживала в доме чистоту, она так и не притронулась к грязной посуде, оставшейся с 3 сентября, с того самого дня, когда в Бобровке случилось два убийства. После разыгравшейся в ее доме двойной трагедии она чувствовала себя третьей жертвой, такой же мертвой, как Оля и Дима. В доме было натоптано – множество посторонних людей шарили в доме в поисках улик. На лестницах валялись окурки, пахло прокисшей едой, застарелым табаком и словно самой смертью.

И только теперь, спустя два дня, ее на время, как она считала, оставили в покое. В доме было так тихо, что ломило в ушах. Разве что дождь за окном напоминал о том, что жизнь не остановилась, что где-то там, за забором сада, существует другой мир, не такой страшный и безысходный, как здесь…

Лена почти не выходила из своей комнаты. Лежала на кровати и смотрела телевизор, все подряд. Она хотела забыть все то, что случилось с ней всего сорок восемь часов тому назад. Забыть распростертое в кабинете тело мужа с натекшей лужей крови. Забыть пулевое отверстие, припорошенное порохом, в его виске. Она не могла представить себе, что его больше нет в живых, что теперь она осталась совсем одна. Сама себе хозяйка. Это было страшно, но одновременно так похоже на настоящее счастье, о котором она всегда мечтала, что у нее дух захватывало. Неужели я больше никогда не увижу его, не услышу его голоса? Внешне вполне благополучная пара, Сайгановы уже давно жили каждый самостоятельной жизнью. У них вот уже больше года были разные спальни. И мало кто знал, что Сайганов все свое свободное от работы время проводил в постели с Олей Астровой. Хотя, быть может, кто-то и догадывался. И вот теперь нет их обоих, этой лживой парочки, которая отравляла жизнь Лены и превращала ее в настоящий ад. Дмитрий, возвращаясь поздно вечером домой, а то и под утро, мог даже не поздороваться с женой, которую не видел почти сутки. Его встречала Таня, она разогревала ему еду, стелила постель – словом, ухаживала за ним лучше даже, чем жена. Лена же, наливаясь злостью и давясь готовыми сорваться с ее языка проклятиями в адрес мужа, старалась в это время не выходить из своей комнаты. Она слышала, как Таня разговаривает с Дмитрием, как спрашивает про его дела, как накрывает ему на стол, звеня посудой, или даже смеется в ответ на какие-то его реплики. Словно ее, Лены, и нет дома. Но Таня не виновата. И вообще, кто такая Таня? Домработница, приживалка, нахлебница. Но с ней, как это ни странно, Лена нашла быстро общий язык и скоро поняла, что с Таней жить намного легче. Она полностью

освободила Лену от хозяйственных забот и взвалила все на свои хрупкие плечи. Она трудилась по дому как пчелка, вычищая до блеска все, что попадалось ей под руку. Дом преобразился и засверкал. На кухне всегда было много вкусной еды, в шкафах появились ровные стопки выглаженного белья, а на плечиках аккуратно висели вычищенные костюмы Дмитрия и выглаженные платья Лены. Даже за продуктами Таня ездила в город на рынок сама на стареньком белом «Мерседесе». И вот теперь нет и Тани. Она покинула дом Сайгановых в тот же вечер, когда убили Диму.

А как хорошо все начиналось. Сайгановы устраивали для своих друзей вечеринку. Ничего особенного, если не считать того, что четыре подруги… Стоп. Это Таня Камышина была мне подругой? Всего лишь домработница, приживалка! Или Оля, любовница мужа? Или, быть может, Лера Тарвид, синий чулок, хвостик Оли? Подруги?! Просто знакомые женщины, с которыми время от времени встречалась Лена, да и то появившиеся в ее жизни благодаря Дмитрию. Оля Астрова – проститутка. Все знали, что она спит с мужчинами за деньги. Лера – ее лучшая подруга, ее паж. Некрасивая Лера лишь выгодно подчеркивала ослепительную красоту Астровой. Таня… Куда же без нее? Она и сготовит, и стол накроет, и встретит гостей, и обслужит за столом. Кроме того, она дальняя родственница Димы, ее нельзя не посадить за стол, это было бы неправильно истолковано. Но следователю Лена объясняла: мы, четыре подруги (чтобы подчеркнуть близкие и доброжелательные отношения, которые сложились между ними), решили встретиться, отдохнуть, а заодно и немного развлечься. Оля сказала, что ей надоели глупые посиделки, где всегда все повторяется и наводит тоску, что нельзя только пить водку, есть и делать вид, что тебе весело. Она-то и предложила устроить конкурс: кто больше всех удивит компанию, тому и приз – тысячу долларов. Принять участие в конкурсе могли только женщины. Так сказала Оля, и никто не стал спорить. Больше того, Дмитрий поддержал ее, когда речь зашла о призовом фонде. Оля предложила подругам сложиться по двести долларов, и тогда победительнице досталось бы восемьсот. Но Сайганов для ровного счета согласился прибавить еще двести, чтобы получилась тысяча долларов.

– Девочки! – блестя глазами, говорила возбужденная собственной идеей Ольга незадолго до памятной вечеринки. – Удивить можно чем угодно. К примеру, прийти совсем голой. Но это неоригинально, согласитесь. Хотя почему бы и нет? Или, скажем, заявиться в гости со свадебным кортежем, вот ты, Таня, будешь невестой, только настоящей, чтобы мы все по-настоящему удивились! Ты – победитель, и тысяча баксов – твои! Ну как? Это я вам от балды говорю, сочиняю на ходу. Уверена, что вы девчонки с фантазией и сами придумаете что-нибудь

супероригинальное… или вот еще… Я приду и скажу, что я – мужчина, и даже докажу вам это, покажу следы от операции…

Судя по всему, ее забавляла новая затея, хотя, по мнению Лены, ничего экстраординарного от этой вечеринки никто не ждал. Ну, в лучшем случае, поразить всех четыре «подруги» попытаются посредством одежды. Что может быть проще? Вот и Лена, едва услышав о предстоящем состязании, сразу же представила себя в птичьем обличье. Она уже видела себя беседующей с таксидермистами о продаже ей птичьих перьев и с художниками (почему-то именно студентами художественного училища), согласившимися смастерить ей маску птицы. Перья должны были быть наклеены прямо на обнаженное тело. Перья и пух, чтобы кожа не проглядывала. И чудо-маска с желтым выразительным клювом. А вместо рук – крылья, выполненные с помощью каркаса из проволоки, ткани и перьев… Теперь гора грязных, слипшихся от клея и пота перьев высилась на туалетном столике и напоминала остатки чьей-то дерзкой кровавой трапезы. Сложенные же крылья, в некоторых местах сломанные, лежали на ковре, рядом с кроватью, как символ обреченности и смерти. Удивила ли она всех собравшихся за столом, который ломился от икры и водки? Да, она и сейчас видела обращенные на нее глаза мужа, немигающие, широко раскрытые и, как ни странно, мало что выражающие. Хотя она-то почувствовала в его взгляде иронию и чувство сродни жалости. Нехороший взгляд, он так и полоснул по ее перьям, едва не испепелив их…

Когда-то Дима Сайганов, красивый молодой физик, занимал в ее жизни главное место. У них была любовь, страсть, все, что необходимо для счастья юной пары. Но потом началась реальная жизнь, оформленная по всем правилам и законам: они вступили в брак, купили квартиру и стали обычными женатыми людьми. Дмитрий бросил заниматься физикой. Покинул институт, где работал после распределения, и организовал свой бизнес. Его фирма покупала и перепродавала. Он дошел даже до того, что стал продавать мужчин и женщин – открыл брачное агентство. И все, к чему бы ни прикоснулась его легкая рука, приносило прибыль. В семье появились деньги, Лена оставила свою неперспективную преподавательскую работу в педучилище и стала домохозяйкой. Все изменилось в ее жизни. Теперь ей некуда было спешить рано утром. Она кормила завтраком мужа, провожала его на работу, после чего была полностью предоставлена себе. Дмитрий возвращался домой поздно, обычно около полуночи. Не голодный, не особо уставший, но какой-то равнодушный, холодноватый, словно пресыщенный достигнутыми результатами. Его бизнес плавно переместился в Москву, и вот уже год, как он чуть ли не каждый день летал в столицу и обратно. У него было завидное здоровье, и тот темп жизни,

который он сам себе задал, нисколько не тяготил его, а даже, напротив, являлся своего рода основным механизмом, приводящим в движение весь его организм. Он не верил тем, кто, ведя подобный образ жизни, говорил, что испытывает огромные нервные и физические нагрузки, сильно устает, сталкивается с такой серьезной психологической проблемой, как потеря интереса к жизни. У Дмитрия же, по его словам, все было иначе. Наладив подобным образом свой бизнес и окружив себя молодыми перспективными единомышленниками, он с успехом пожинал плоды своего ума и труда. И все же, по мнению Лены, он лукавил, когда говорил, что не устает и что у него не бывает моментов, когда он чувствует, будто жизнь проходит мимо. Достаточно было взглянуть на его лицо после тяжелого дня, чтобы понять, как тяжко ему достаются деньги и как он устал от этого бесконечного кружения в мире бизнеса. Встречи, переговоры, подписание контрактов, поездки за границу, взятки чиновникам, бесконечные попойки, называемые деловыми встречами, постоянные телефонные звонки, требующие срочного принятия важных и безотлагательных решений, обдумывание новых перспективных проектов, выбивание кредитов в банках… На жену не оставалось времени. Но он откупался от нее дорогими подарками, отправлял время от времени за границу, позволял ей, по сути, все и не требовал взамен ничего. Разве что приютить Таню, его дальнюю родственницу, приехавшую из какого-то захолустья и с радостью согласившуюся помогать Лене по хозяйству. К тому времени, когда появилась Таня, Сайгановы уже построили этот большой дом в Бобровке, рядом с Волгой, в живописном месте, и его надо было обживать, все приводить в порядок, чистить и обустраивать. Лена внутренне была настроена против Тани. Она не понимала, как это возможно впустить в дом совершенно незнакомого человека и доверить ему все. Таня уже очень скоро знала обо всем, что происходило в семье Сайгановых, и считала себя частью этой семьи. Удивительно, как гладко она вошла и в жизнь Лены. Словно она знала ее до этого много лет. Может, причиной этого был спокойный и уравновешенный характер Тани, ее открытость, доброжелательность и огромное, растущее чувство благодарности своим родственникам за то, что она так хорошо устроилась. Ведь сейчас у нее были кров и деньги, которые Сайганов платил ей за ее преданность и трудолюбие. Он и сам был рад тому, что Таня так хорошо поладила с Леной. Теперь, когда он приезжал домой, его встречала уже не одна женщина, а две. Его мыли, кормили, за ним ухаживали, его любили, наконец.

Поначалу Лена могла только подозревать, что у Дмитрия были связи на стороне. Его подолгу не бывало дома, а зная темперамент своего мужа, невозможно было быть уверенной в его верности. Но все равно это было только в мыслях Лены. Конечно, она страдала, рисуя себе картины измены Дмитрия, но реального

подтверждения этому она не находила. Никаких звонков с таинственными женскими голосами, ни следов губной помады на рубашках, ни запаха чужих женских духов, ни кружевных трусиков в карманах мужниных брюк. Внешне все выглядело вполне благопристойно. Но надо было все же знать Сайганова, его привычки, его отношение к женщине вообще и опять же его темперамент, чтобы предположить, какой на самом деле образ жизни он ведет. При всей своей занятости он имел возможность встречаться с женщинами когда угодно и получать свое, даже не вставая с места. Он воспринимал эту сторону человеческой жизни как нечто естественное, как обычное физиологическое отправление. Это Лена Сайганова знала на своем опыте. Он и ее взял как бы мимоходом, но проявив при этом такой напор и решительность, что она и понять-то толком ничего не успела, как оказалась уже чуть ли не изнасилованной. Страсть к Дмитрию и любовь пришли гораздо позже, когда она в их отношения внесла путем самообмана элемент возвышенности и глубокого чувства. Она словно бы любила за двоих. А Дмитрий просто имел ее как женщину. К сожалению, она поняла это поздно. Интимные отношения с женой у него строились, как и у многих мужчин, лишь с целью получения удовлетворения, и это нельзя было назвать любовью. Во всяком случае, так считала Лена, так считали многие ее знакомые женщины. Другими словами, Дмитрий не стремился сделать женщину счастливой. Хотя бывали моменты, когда Лена даже после пяти лет замужества внушала себе, что Дмитрий любит ее, и благодаря этому жизнь не казалась ей такой однообразной, унылой и никому не нужной. И вдруг все рухнуло. В Москве, когда они с Сайгановым были в гостях у одного директора завода, она впервые увидела Ольгу, правда, тогда она не запомнила ее имени. Ольга пришла туда вместе со своим другом или мужем, Лена тогда так и не поняла, какие отношения их связывают, по фамилии Каротин. Видимо, директор завода, фамилию которого Лена тоже не запомнила, был в приятельских отношениях с этим Каротиным, потому что мужчины весело и непринужденно разговаривали на темы, далекие от бизнеса. Ольга сидела между хозяином дома (холостым, кстати, мужчиной) и Каротиным и хохотала над рассказанными ею же анекдотами. Но ей шел этот заразительный смех, как шел и ее вызывающий, сильно открытый наряд. Красивая молодая женщина с копной светлых кудрей, зелеными глазами (потом Лена узнает, что Ольга всегда носила разноцветные линзы, которые подбирала по цвету к тому или иному наряду) и нежным стройным телом. Она не могла не понравиться Сайганову, как не могла не понравиться любому из присутствующих мужчин. Видимо, тогда-то впервые между Дмитрием и Ольгой и пробежал электрический разряд… И спустя пару месяцев Ольга уже переехала на постоянное жительство в Саратов, купила себе квартиру и стала довольно частым гостем в доме Сайгановых. Причем Дмитрий всегда всячески старался подчеркнуть, что это именно она,

Лена, приглашает Олю к ним в гости. «Она – твоя подруга и, видимо, нуждается в поддержке… Судя по всему, она порвала с этим Каротиным…»

…Лена тяжело поднялась с кровати, набросила на плечи толстую шерстяную шаль, с которой не расставалась все время, что ее мучили допросами, и спустилась в кухню. Сварила кофе, достала из хлебницы кусок черствой булки и намазала маслом. Надо было брать себя в руки и привыкать к мысли, что теперь со смертью Сайганова ее жизнь потечет иначе. Ей уже позвонил Миша Минкин, адвокат Дмитрия, и сказал ей о существовании завещания. Все, чем владел Сайганов, теперь принадлежало Лене, за исключением некоторых банковских счетов, открытых мужем на имя Ольги Астровой. Но, как это часто бывает в жизни, обо всем этом – и о связи мужа с Ольгой, и о деньгах, которые перевел на имя своей любовницы Сайганов, и о многом другом, что в свое время так потрясло ее и чуть не привело к последней черте, – она узнала слишком поздно…

Лена набрала номер рабочего телефона Леры Тарвид.

– Лера? Привет, это я.

– Лена… Ты где? Наконец-то позвонила. Ты что, трубку не брала?

– Не брала. Ты сможешь завтра приехать ко мне?

Она еще и сама до конца не поняла, почему в качестве первого человека, которого хотела бы сейчас увидеть, она выбрала именно Леру. Может быть, потому, что она, во-первых, одна из посвященных, а во-вторых, самая трезвомыслящая из всех, с кем ей приходилось общаться в последнее время.

– Конечно. Когда?

– После работы. Сразу. Только, пожалуйста, не сочти за труд, привези мне каких-нибудь продуктов. У меня здесь хоть шаром покати… И еще. Может, у тебя есть кто на примете, хорошая и надежная женщина, чтобы помогла прибрать в доме. Я не могу, понимаешь?

– Я подумаю.

Чувствовалось, что Лера и к этой просьбе отнесется с должным вниманием и ответственностью.

– Тогда до встречи.

Лена положила трубку и налила себе еще кофе. Сделала несколько глотков, после чего встала, подошла к окну и распахнула его. Занавески сразу же вздулись от ветра, а в лицо пахнуло запахом мокрой земли и дождя. Свежесть, чистый воздух, чистый дождь, чистая, новая жизнь впереди…

Глава 5

Женя

Гольцев появился в агентстве уже вечером, около шести. Лицо его раскраснелось, судя по всему, от быстрой ходьбы, волосы, мокрые от дождя, прилипли ко лбу, но глаза горели огнем. Шубин в это время разговаривал со старшим следователем прокуратуры Виктором Львовичем Корниловым как раз об убийствах в Бобровке, а Женя рассматривала карту Саратовского района в поисках Бобровки. Увидев Гольцева с белым конвертом в руках, они сразу поняли, что тот принес деньги – следовательно, можно было приступать к работе.

– Вот здесь для начала две тысячи долларов, как вы и говорили. Что касается возможности встретиться с Таней, то она готова рассказать все, что знает об этом деле. Но не сегодня, а, скажем, завтра после обеда.

– Хорошо. Тогда напишите вот на этом листе все ваши координаты, мы будем с вами постоянно встречаться, – сказал Шубин, забирая деньги и пряча их в сейф. – Вот только один вопрос: почему ваша подружка Таня Камышина решила, что ее подозревают в двойном убийстве? Кто ей об этом сказал?

– Лера. Таня сама позвонила ей и сказала, что видела репортаж по телевизору и оттуда знает, что ее ищут в связи с убийством Сайганова. На что Лера ответила ей, что на нее собираются повесить и убийство Ольги Астровой.

– А как разговаривала Лера с Таней? И в каких они вообще отношениях?

– Да ни в каких! Просто Лера – свой человек. Она хорошая, добрая и не такая заносчивая, как Астрова или Сайганова. Думаю, что она сказала это для того, чтобы Таня сидела и не высовывалась.

– У вас есть адрес или телефон Леры?

– Да, конечно. Ведь Таня сколько раз ездила к ней по поручению Лены, отвозила какие-то журналы, книги, кассеты. Да и телефоны всех четырех подруг имеются. Я сейчас все напишу.

– Вашу Таню подозревают лишь в одном убийстве, – осторожно заметил Шубин. – В убийстве Сайганова. История же с Астровой вообще непонятна. Но если уж вы решили действовать до конца и искать убийцу обоих – и Астровой, и Сайганова, – то придется вам, Саша, рассказать все с самого начала и по порядку. Хотите кофе?

Женя приготовила Гольцеву кофе, поставила перед ним на стол и села рядом с Шубиным, боясь пропустить хотя бы одно слово. На этот раз Саша говорил гораздо спокойнее, и рассказ получился более стройным.

– Собрались в Бобровке четыре пары. Решили развлечься, Ольга придумала конкурс «Удивление». Лена Сайганова появилась перед гостями в наряде из птичьих перьев, чем заслужила аплодисменты. Таня Камышина испекла пирог, в котором вместо начинки были долларовые купюры. Все подумали, что это и есть основной прикол, но на самом деле все еще было впереди, как и у остальных… Дело в том, что Таня собиралась сообщить им о том, что на самом деле именно она является женой Дмитрия Сайганова. У нее для этого имелся фальшивый паспорт, она его заполнила на имя Татьяны Ивановны Сайгановой. И даже вписала в паспорт вроде бы их совместного ребенка, Андрея Сайганова. А поскольку всем было известно, что у Лены не может быть детей, во всяком случае, что-то у нее там не получалось, то этот паспорт и соответствующее поведение Тани должно было возыметь действие и, конечно же, удивить почтенную публику. Но вот только она так и не успела ни показать паспорт, ни сыграть соответствующую роль…

– Жестокая шутка, – не выдержав, заметила Женя. – Ведь она же как бы обязана Лене… Нехорошо шутить над несчастьем близкого. Бесплодие – в этом не она виновата…

– Но это только шутка! – встал на защиту своей подруги Гольцев. – А как же иначе можно удивить, если не так? На то это и конкурс! А птичьи перья, которыми была обклеена Лена? Сколько птиц надо было ощипать, чтобы сделать такой странный костюм?!

– Продолжайте, – произнес Шубин и закурил.

Корнилов только что рассказал ему о том, что же на самом деле произошло в доме Сайгановых. Убили Ольгу Астрову, молодую, красивую женщину. Действительно, странное убийство. Ее нашли в садовом домике с ножом в сердце. Экспертиза показала, что смерть женщины наступила около двух часов дня, как раз тогда, когда за столом в гостиной собралась вся честная компания. За столом было семеро. В момент, когда убили Ольгу, эти семеро рассматривали на своих тарелках куски странного «долларового» пирога, которым собиралась удивить Таня Камышина. Ольга, по словам свидетелей, отлучилась на минутку… И только когда ее отсутствие показалось уж слишком долгим, Сайганов сказал, что ей уже давно пора бы вернуться…

– Теперь Лера Тарвид. В принципе надо было начать рассказ об этом конкурсе именно с нее, потому что ровно в двенадцать часов, в тот момент, когда гости стали съезжаться, возле ворот остановился милицейский фургон, из которого вышли двое мужчин в штатском. Они представились работниками прокуратуры и сказали, что приехали арестовать хозяина дома, Дмитрия Сайганова. К тому времени во дворе дома уже стояла машина, в которой приехали Ольга Астрова со своим парнем, доктором Валентином, а в беседке находились Лена Сайганова со своим мужем, они спорили о том, с какой стороны лучше посадить иву, чтобы она потом дала тень…

– А где в это время были вы, Саша? – спросил Шубин.

– Я помогал Тане на кухне, открывал банки с консервами, таскал ящики с пивом из погреба, разливал сок по графинам.

– Вы давно знакомы с ней? И как вообще познакомились? – Этот вопрос уже давно вертелся на языке и у Жени, но озвучил его Шубин, не побоявшись сбить рассказ Гольцева.

– Я одно время был личным шофером Сайганова, часто приезжал к нему домой, видел Таню, она мне сразу понравилась… Но потом я сломал ногу, долго лежал в больнице… Словом, лишился работы. На Сайганова я не в обиде. Он хоть и уволил меня, но через друзей помог мне устроиться в гараж одной частной фирмы. К тому же он оплатил мое пребывание в больнице, за мной там ухаживали, как за королем.

– Сайганов знал, что у вас с Таней роман?

– Да нет у нас никакого романа! – вдруг вспыхнул Гольцев и принялся почему-то усиленно массировать сухими ладонями свое лицо. – Мы с ней просто друзья. Хотя она мне нравится, конечно, как женщина. Но ко мне она ничего не испытывает, это я знаю точно.

– Вы хотите найти убийцу Сайганова с тем, чтобы помочь Тане…

– Я не думаю, что даже если и помогу ей, то ее отношение ко мне изменится. Она и так прекрасно ко мне относится, доверяет мне, как самому близкому человеку, но я ни на что не претендую. Вот, собственно, и все, что касается наших отношений…

– Хорошо, так что же было дальше? Вы остановились на том, что в двенадцать часов к воротам подъехал милицейский фургон и оттуда вышли двое мужчин в штатском. Они приехали арестовать Сайганова, так?

– Да. И надо сказать, Сайганов побледнел, когда увидел их. Да нам всем стало не по себе… Можете себе представить сцену. Собралась компания повеселиться, погудеть, настроение у всех прекрасное, солнышко светит и все такое… Лена Сайганова на свои перья накинула длинный шелковый халат наподобие японского, черный с огненными драконами… Но все равно перья виднелись в широких рукавах… И тут вдруг эти двое с каменными лицами. Сайганов попробовал возмутиться, сказал, что он сейчас позвонит своему адвокату, Минкину, но эти двое и слушать ничего не хотели. Они сунули ему под нос бумагу с печатью прокуратуры, сказали, что он арестован по подозрению в

убийстве молодой женщины. Вы бы видели их лица…

– А вы тоже были там?

– Мы с Таней вышли во двор, когда увидели из кухонного окна милицейскую машину. Настроение было испорчено, все пошло кувырком… На Сайганова надели наручники и повели к машине. И вдруг один из ментов как захохочет… Как ненормальный!

– Это был розыгрыш?

– Да, это была, оказывается, Лера Тарвид со своим хахалем, Прудниковым. Мы все смеялись до слез! Лера сорвала с головы парик, сняла очки и принялась рукавом счищать с лица грим. Представляете, она провела четыре часа в кресле профессионального гримера, чтобы из нее сделали мужчину. А Прудникову и гримироваться было незачем – его до этого никто из нас не видел! Вот так она всех разыграла. Она была страшно довольна. А Сайганов, как мне показалось, не знал, куда себя деть от стыда. С одной стороны, ему бы радоваться, что это была шутка, но с другой – он же на некоторое время стал мишенью для насмешек.

– И что было потом?

– Все были в сборе, и Дмитрий Леонидович пригласил гостей в дом, за стол. Вот там, выпив первую рюмку, Лена сбросила с себя черный халат, кимоно, и мы все увидели ее роскошный костюм. Не скажу, чтобы шутка Леры сразу позабылась, нет, но то, что мы увидели, было совершенно потрясающим зрелищем. Я лично про себя отметил, что, не имей я отношения к Тане, то объективности ради поставил бы самый высокий балл именно Лене. Она великолепно выглядела, и мы все некоторое время не могли сказать ни слова. Это была самая настоящая птица, но с женскими, изящными формами.

– А Сайганов? Как он отреагировал на столь необычный наряд жены?

– Сайганов… Да, здесь вы попали в самую точку. Думаю, не я один заметил, что лишь он выглядел разочарованным или даже раздраженным таким видом и поведением жены. Он словно бы стыдился ее. Хотя его можно понять. Ведь она была практически голая. Совершенно. Грудь, живот, бедра, все можно было рассмотреть. И там, надо сказать, было на что посмотреть. После первого

приятного шока, вызванного нарядом хозяйки дома, гости еще раз выпили и стали закусывать. Таня только успевала подавать. Были горячие бутерброды, какие-то ледяные шарики из селедочного масла… Настроение от выпитого и хорошей закуски значительно поднялось. Кто-то из присутствующих спросил, когда же будут продемонстрированы и другие «чудеса» конкурсанток. И вот тогда Таня принесла свой «долларовый» пирог. Все сделали вид, что это очень смешно и весело, на что она ответила, что самое интересное будет впереди… И прямо следом за ней точно такую же фразу произнесла и Оля Астрова. Вы можете спросить кого угодно, хоть Лену, хоть Леру, она так и сказала: «Да-да, самое интересное еще впереди…» Потом гости немного потанцевали. Таня тоже танцевала, пила, закусывала, но выглядела, прямо скажем, уставшей. Ведь все, абсолютно все было на ней. А потом снова расселись по своим местам, Таня принесла запеченную баранью ногу, поставила перед каждым салатницу с маринованным луком… И вот тут-то кто-то сказал, что нас за столом только семеро. Ольги не было. Баранина была горячая, Таня разложила ее по тарелкам, Валентин, приятель Ольги, отправился на ее поиски, Лера пошла следом за ним. Они ходили по дому и звали Ольгу. Я видел, что Лене не понравилось то, что все вышли из-за стола и разбрелись по дому из-за Ольги. Мне кажется, что она все знала…

– Что она знала? – спросила внимательно слушавшая Гольцева Женя. – Что?

– Как что… То, что они любовники: ее муж и Ольга. Думаю, что она ждала и боялась Ольгиного розыгрыша больше всех… Мне и Таня тоже об этом говорила. За день или за два до вечеринки Лена как-то проговорилась, что не к добру затеяла Ольга этот конкурс и что она придумала все это лишь для того, чтобы сделать ей, Лене, больно. «Может, она беременна и собирается показать мне справку от гинеколога? Или, того хуже, скажет, что они собираются пожениться». Она сказала это очень нервно, зло… По словам Тани, она тяжело переживала измену мужа, но и уйти от него не могла – некуда.

– Это не причина, – неожиданно горячо возразила Женя, проявив свои феминистские наклонности. – Если женщина захочет уйти от мужа-тирана, она найдет куда… Главное – не терпеть унижения!

Игорь Шубин выразительно посмотрел на нее, и она прикусила язык.

– Я думаю, что Лена не уходила от мужа по многим причинам, в то время как для расставания была всего лишь одна… – загадочным голосом произнес Саша

Гольцев, и лицо его приняло при этом задумчивое выражение. – Вы понимаете меня?

– Вы имеете в виду деньги? Лена не уходила от мужа из-за его положения и денег? – предположил Игорь.

– Конечно. Кроме того, он по-своему любил жену. Но об этом уже не нам судить. Да и что судить-то, когда его уже нет в живых.

– Оставим пока эту тему. Итак… Ольгу в доме не нашли?

– Да. И тогда, все еще находясь в каком-то радостном возбуждении и даже, я бы сказал, в предвкушении очередного розыгрыша, мы все направились в сад. Я сам лично набросил на Лену какой-то плащ, который висел на вешалке внизу, в передней, потому что на улице становилось прохладно. Понимаете, я был под впечатлением ее костюма, а если прибавить к этому выпитое и общее настроение, то вы, я думаю, поймете меня… Словом, мы все почти одновременно вышли из дома и разбрелись по саду. И как-то так получилось, что, не сговариваясь, подошли к небольшому садовому домику. Это, знаете, такое строение с маленькими окнами, в котором держат садовый инвентарь, а осенью по полу рассыпают яблоки… Мы подошли, нас, повторяю, было семеро, и, кажется, Сайганов открыл дверь. Было, кажется, два часа дня. Первое, что мы услышали, было ругательство, вырвавшееся у Сайганова. Оно резануло по ушам. Я лично никогда раньше не слышал, чтобы он так грязно матерился. А потом он тихо сказал: «Она вся в крови… Ее, кажется, убили… Или… или это дурацкий розыгрыш… Оля!» Да, он позвал ее, надеясь, что все это – и нож в груди, и огромное количество крови вокруг тела – розыгрыш. И тогда мы все ввалились в домик, а Валентин, доктор, приятель Ольги, бросился к ней и стал щупать пульс. Он тоже выругался… И мы все поняли, что она мертва. Валентин поднялся бледный и сказал, что сердце ее не бьется… Думаю, он сказал это нам даже не для того, чтобы констатировать факт, а чтобы мы поняли, что вытаскивать большой нож, который торчал из ее груди, уже поздно… Лера закричала. Таня заплакала. Да с нами со всеми вдруг сделалась легкая истерика. Сайганов сказал, чтобы мы не орали и вернулись в дом. Нужно, говорит, все обдумать. Как поступить лучше. На что Таня сразу же возразила ему, что и думать тут нечего. Надо срочно звонить в милицию, чтобы начать поиски убийцы. Ведь мы понимали, что в доме или где-то поблизости скрывается преступник. Мы были уверены в этом, потому что у нас у всех было алиби. Никто, абсолютно никто после ухода Ольги не выходил из гостиной. Мы, все семеро, сидели за столом,

ели-пили. Мы вернулись в дом. Не сразу, конечно. Перед этим Таня по знаку Сайганова сбегала в дом и принесла сигареты и зажигалку. Многие ведь курят… На доктора было жалко смотреть. Он не отходил от Ольги. Мы вышли из домика и прикрыли дверь. Несколько минут наедине с покойницей оставался Валентин. Думаю, он пережил самые тяжелые минуты своей жизни. Ведь все случилось так неожиданно! А когда он вышел, Лера как-то странно посмотрела на него и попыталась улыбнуться. «Послушайте, – сказала она, обращаясь к Валентину, который машинально закурил сигарету. – А может, вы с ней заодно, и она – живая?» Доктор вытаращил на нее глаза. Он разве что не покрутил пальцем у виска. И тогда Сайганов, которому эта мысль, вероятно, понравилась и он уцепился за нее, как за спасительную соломинку, распахнул дверь садового домика и присел возле Ольги, взял ее руку в свою. И почти сразу же отдернул, резко встал и вышел. Замотал головой, словно не веря в случившееся. Лера Тарвид, как это ни странно, вероятно, тоже не желая верить в трагедию, осторожно приблизилась к распростертому телу и прикоснулась ко лбу покойницы. Вышла и разрыдалась… Да нет. Все было ясно и без того. Ее кто-то убил. Ножом в сердце. Трудно себе представить нормального человека, который мог так жестоко лишить жизни такую красивую девушку. Это явно ненормальный…

– Я согласен с тобой, – поддержал его Игорь, что-то быстро записывая в свой блокнот. – И что было потом?

– Сайганов сообразил, что, пока еще не поздно, надо бы осмотреть сад, расспросить соседей… И мы, Сайганов, Валентин, Юлий и я, бросились искать убийцу, в то время как Лене было велено позвонить в милицию. Я уж не знаю, что она наговорила в панике по телефону, но милиция с трудом разыскала и Бобровку, и дом… Но незадолго до приезда милицейской машины убили Сайганова. Его нашла Лена, жена, когда поднялась к нему в кабинет за обезболивающими таблетками. Дело в том, что у Леры сильно разболелась голова. Мы все в ожидании приезда милиции расположились в гостиной и стали откровенно надираться… Лена несколько раз сделала замечание мужу, чтобы он не пил, потому что ему первому придется давать показания следователю. Мы все были страшно напуганы…

– Кажется, Сайганов был убит выстрелом из пистолета. В упор. Разве никто не слышал выстрела?

– Понимаете, был звук, похожий на выстрел, но разве кому-то могло прийти в голову, что это именно выстрел? Дело в том, что, когда прошел почти час с того момента, как мы обнаружили в саду Ольгу, Лера попросила Таню приготовить кофе… Мы все быстро пьянели и все равно продолжали пить водку. И тогда Лена, находясь в каком-то сомнамбулическом состоянии, притащила зачем-то кофемолку и принялась у нас на глазах молоть кофе. Потом уронила кофемолку. И тогда Таня подняла ее…

– Кофемолка электрическая?

– Да, именно на это я и хочу обратить ваше внимание. Понимаете, создавалось такое впечатление, словно за нами за всеми кто-то подглядывал и знал, что вот сейчас Таня снова включит кофемолку и тогда мало кто обратит внимание на звук выстрела. Мы все заткнули руками уши и молча смотрели, как Таня перемалывает кофе. Этот резкий жужжащий звук действовал на нервы!

– А как далеко от гостиной находится кабинет, в котором нашли Сайганова?

– Надо выйти из гостиной, повернуть направо, подняться по лестнице наверх, и вы сразу упираетесь в дверь, ведущую в кабинет.

– Сколько времени понадобилось бы на то, чтобы выйти из гостиной, подняться по лестнице, зайти в кабинет и выстрелить в Сайганова?

– Не больше минуты.

– А кто в тот момент, пока Таня жужжала кофемолкой, находился в гостиной?

– Думаю, все, кроме самого Сайганова.

– Все?

– Мне кажется, что все.

– Тогда попытайтесь вспомнить, кто чем занимался в тот момент? Лера, например.

– Мы все сидели за столом… И я вряд ли сейчас смогу вспомнить детально, кто что делал. К тому же я и сам изрядно выпил…

– Хорошо. Пойдем дальше. Раздался звук выстрела, но никто не обратил на него внимания?

– Кто-то из женщин сказал: «Какой-то странный звук…» К этому времени Таня уже закончила молоть кофе. И в комнате стало очень тихо.

– Интересно, почему она молола его в комнате, а не на кухне? – осторожно спросила Женя.

– Думаю, обе женщины, и Лена, и Таня, просто боялись надолго оставаться одни где-нибудь, кроме гостиной. Все были перепуганы. Во всяком случае, Лена – это точно. Ее всю колотило.

– Однако кофе Таня варила на кухне одна, так?

– Да, но Таня вне подозрения, ведь это же она молола кофе, а значит, не могла произвести того звука, того выстрела…

– Да, конечно… Остаются Лера, Юлий, вы, Валентин, Лена…

– Повторяю, мы все были в комнате, все! Убийцы среди нас не было!

– Что было потом?

– Таня отправилась на кухню варить кофе, Лена стояла возле окна и ждала милицию, кусала губы и постоянно задавала один и тот же вопрос: почему они не едут, нас же скоро всех перебьют… Лера в основном молчала, как и ее спутник.

– Расскажите мне о нем.

– Его зовут Юлий. Так, ничего особенного. Тихая и незаметная личность. Вернее, даже вовсе и не личность. Таня сказала мне, что Лера платит ему за то, что он сопровождает ее. И не только ее, у него полно таких дамочек, которые платят

ему за то, что он таскается с ними по тусовкам. Смазливая рожа и сплошное нахальство! Ненавижу таких субчиков!

Глава 6

Лера

Лера не выходила из дома два дня. Позвонила на работу, хотела объяснить, но там были уже в курсе. Шеф сам сказал, чтобы она немного отдохнула, пришла в себя. В конце разговора, не удержавшись, спросил:

– Неужто ты дружила с самим Сайгановым? Говорят, его убили на даче… Значит, ты была там. Не знал, не знал, что ты с ним была накоротке.

Ее шеф всегда говорил то, что думал. Видимо, прикидывал про себя всю упущенную от такого знакомства выгоду. Он и не подозревал, как разбередит рану в ее сердце. Дружила. Разве такие отношения можно назвать дружбой? Сайганов пользовался ею, как вещью, и уезжал. Ничего, кроме сладкого удовольствия и одновременно душевной боли, она не получала от этих урывочных свиданий. Она знала, что он весь, полностью принадлежит другой женщине. Сайганов любил Ольгу Астрову. Прикипел к ней намертво. Словно она его приворожила. Их встречи становились все длиннее и длиннее, он даже стал позволять себе оставаться у нее на ночь, что было так не похоже на Сайганова, старавшегося не давать повода сомневаться в его верности жене Лене. Когда Лера спрашивала его, зачем ему она, если он так любит Ольгу, то в ответ получала лишь слабую улыбку: мол, ты же и сама знаешь. Он чувствовал, что Лера все стерпит, лишь бы сохранились их отношения, чтобы не потерять его окончательно. Так он имел сразу двух женщин, подруг, живущих в соседних подъездах.

Оля довольно откровенно рассказывала подружке о Сайганове. Показывала колечки, подаренные им, кружилась перед убитой горем Лерой в дорогих шубах, вертела перед носом потрясенной подруги сберегательной книжкой с валютным счетом, который открыл ей ее состоятельный любовник. И это при том, что Лере не перепадало ни рубля. Все, что она имела, это время от времени интимную близость с Дмитрием. Как тут было не возненавидеть обоих? И вот сейчас, когда

ни Оли, ни Сайганова не было в живых, она спрашивала себя: счастлива ли она теперь, чувствует ли себя отомщенной?

Сидя в кухне перед чашкой бульона, она снова и снова вспоминала тот страшный день, тот выкрашенный зеленой краской садовый домик, где на полу лежала залитая кровью Оля… Какое странное, смешанное чувство испытала она, когда сама, лично удостоверилась, что перед ней труп. Что промелькнуло в голове в первые мгновения, когда она осмыслила случившийся факт? Кольцо. Да, как это ни странно – кольцо с крупным бриллиантом и изумрудами, которое Ольга дала ей поносить. И еще – деньги… Много денег. Ведь у Леры был сейф, маленький итальянский сейф, вмонтированный в стену спальни, где она по просьбе Ольги хранила ее сбережения. Часть лежала в банке, а другая – несколько пачек долларов – хранилась у верной подруги Леры. Значит, теперь они принадлежат… кому? Хозяйке квартиры и сейфа, кому же еще… Лера думала об этом со страхом и радостью. Страх был вызван тем, что деньги принадлежали все же Ольге, и Валентин, ее последняя пассия, к которому так ревновал ее Сайганов, мог знать об этом, как мог знать и о кольце, которое Ольга дала Лере поносить. А это означало, что в ходе следствия Валентин может сказать об этом и тогда Лера станет одной из подозреваемых в убийстве. Но, с другой стороны, все семеро в момент убийства Ольги находились в гостиной, а потому невольно обеспечили себе стопроцентное алиби. Разве это можно сбросить со счетов? И вообще, кто такой Валентин?

Он появился у Ольги в начале августа. Высокий бледный мужчина, доктор, в очках и светлом костюме. У него были приятный голос, открытая улыбка и глаза человека, который уже ничему не удивляется в этой жизни. Как и все врачи, он, по словам Ольги, был циником, любил рассказывать за столом сальные или гастрономические анекдоты, способные вызвать тошноту у слушающих, при этом обладал отличным чувством юмора и пользовался успехом у женщин. Видимо, помимо всего прочего, он отличался от других мужчин какой-то особенной сексуальной энергетикой, которая так и притягивала к нему представительниц прекрасного пола. Во всяком случае, Ольга всегда отзывалась о нем как о прекрасном и умелом любовнике. Но вот на Леру, в отличие от Ольги, Валентин, «этот бледный худой очкарик», не производил вообще никакого впечатления. Больше того, она не понимала, как можно променять на этого доходягу такого роскошного самца, каким был Дмитрий Сайганов. Да здесь и сравнивать было нечего. Разве что у Валентина имелись какие-то скрытые достоинства, о которых Ольга умалчивала. Но какие? Что могло настолько привязать ее к нему, что даже Сайганов был на время забыт и задвинут на полку? Только деньги. Во всяком случае, если бы Валентин был беден, Ольга не

стала бы с ним встречаться и уж тем более открыто демонстрировать свою связь с ним на глазах у ревнивого собственника Сайганова. Да, именно Сайганова Лера заподозрила в первую очередь, когда увидела в груди Оли рукоятку ножа. Только он, по ее мнению, был способен на такое страшное, чудовищное убийство. Он не мог больше терпеть присутствия рядом со своей возлюбленной этого докторишки, как не мог терпеть и предательства. А потому, выбрав удачный момент, когда все были заняты тем же пирогом с долларовой начинкой, который испекла Таня, или еще чем-то, выскользнул из гостиной вслед за Ольгой, настиг ее возле садового домика, втолкнул туда и, достав заранее прихваченный из кухни нож, набросился на нее и зарезал. Как поросенка. Потом незаметно вернулся в дом, сел на свое место и, быть может даже, провозгласил тост «За прекрасных дам» или «За любовь». Затертые, набившие оскомину тосты, без которых не обходится ни одно застолье. А как хотела Ольга изменить привычный ход вещей и внести в это самое застолье что-то свежее, оригинальное, запоминающееся! Да, несомненно, этот конкурс она выиграла. Удивила так удивила. И ей, теперь уже мертвой, принадлежит призовой фонд – тысяча долларов. Сумма, которой вполне хватит на скромные похороны. Даже на пару похорон – Ольги и Сайганова.

Раздался телефонный звонок. Если зажмуриться и представить себе, что ничего не случилось, то это могла позвонить Оля. Но она теперь не позвонит. Никогда.

Лера взяла трубку и вся внутренне напряглась. Она была не готова разговаривать с кем бы то ни было.

– Лера Тарвид? – услышала она незнакомый женский голос.

– Да, слушаю.

– Я секретарь Игоря Шубина, частного детектива. Меня зовут Женя Жукова. Мы расследуем убийство Ольги Астровой, вашей подруги. Нам необходимо встретиться с вами, чтобы задать несколько вопросов. Вы согласны?

– Но я вас не знаю… Кто вам дал мой телефон? – попробовала было она возмутиться, но, вдруг услышав имя Саши Гольцева, мгновенно все поняла и сменила гнев на милость. Она и сама хотела как можно скорее узнать имя убийцы Ольги. Значит, она просто обязана принять этих людей. – Хорошо, я понимаю… Да, конечно, приезжайте. У вас есть мой адрес?

И она подробно рассказала, как к ней можно проехать. И только после того, как положила трубку на место, ей стало нехорошо. Саша Гольцев. Это был приятель Тани Камышиной, симпатичный парень. Очень душевный, не то что этот Юлий… Перед ней тотчас возникло красивое, похожее на маску лицо Юлия Прудникова, того самого человека, с которым она и отправилась на вечеринку в Бобровку. Мальчик для сопровождения. Дошла, докатилась, дальше некуда. Как будто она уже не в состоянии завести себе (не такого, как Сайганов) любовника или хотя бы приятеля, с которым можно было появляться на людях. Значит, не в состоянии. А что делать, если она большую часть времени корпела над бухгалтерскими документами, а в свободное время сидела дома в ожидании звонка Сайганова. В последнее время она находилась в постоянном, болезненном ожидании визита своего странного любовника. Все мысли и чувства ее обострялись, когда она слышала шаги на лестнице, шум работающего лифта за стеной, какие-то посторонние звуки. Как она ждала Сайганова, кто бы знал! Ее тело, готовое к свиданию, пылало и горело, когда раздавался характерный – тройной с синкопой! – звонок в дверь. Все в квартире говорило об ожидании, начиная со сверкающей чистоты мебели и заканчивая свежими цветами в вазе. Кроме этого, в холодильнике всегда были пиво и водка – Сайганов любил иногда после любви выпить бокал-другой пива или опрокинуть рюмку ледяной водки. Что это была за жизнь? Прекрасная, переполненная самыми разными чувствами, надеждами, острыми и запретными удовольствиями, обманом, восхитительными мгновениями первых прикосновений, взглядов, обещаниями счастья. И в то же самое время еще никогда Лера не чувствовала себя такой несчастной и одинокой. Ее постоянно преследовала мысль, что она питается объедками с чужого стола наслаждений. Ведь Сайганов не любил ее, никогда не любил и приходил к ней, как заходят в бар, чтобы выпить стаканчик-другой и утолить жажду. На полчаса, не больше. В то время как у Оли он задерживался подолгу, и, если бы не жена и не обязательство перед ней, он бы, пожалуй, переехал сюда, к Астровой, и жил с ней, возможно, даже сделал бы своей женой. Хотя Лена Сайганова тоже была довольно привлекательной молодой женщиной. Окончательно убедилась в этом Лера, да и остальные гости, в тот самый роковой день, когда все собрались в Бобровке. Лена, словно бросая вызов мужу, который буквально не спускал с нее глаз, была обнажена, если не считать птичьих перьев, искусно наклеенных на ее прекрасное тело. Лера поймала и другие взгляды, в основном мужские, обращенные на хозяйку дома. Конечно, об оригинальности здесь говорить не приходилось – ведь это был, по сути, просто карнавальный костюм. И в этом плане больше шансов на победу было, конечно, у Леры. Ведь ее появление в Бобровке в милицейском фургоне, взятом ею напрокат, произвело настоящий фурор. Сайганов от страха побелел и наверняка уже представил себя сидящим на нарах. Разве это не эффект? Разве это не

удивление, не потрясение, не шок? Безусловно, шок. Да еще какой! Она никогда в жизни не забудет его потемневших от страха глаз и той испарины, которая выступила на его лбу, когда она измененным голосом сказала ему, что он подозревается в убийстве молодой женщины. Почему он испугался? Разве он кого-то убил? Нормальный человек, которому предъявили бы подобное обвинение, начал бы возмущаться, он бы кричал, что никого никогда не убивал, что это ошибка… Хотя ведь это мнение Леры, а у женщин свое представление обо всем. Вот и в этом случае кричать о своей невиновности стала бы, скорее всего, женщина. Мужчины же более сдержанные по натуре, а потому вели бы себя, быть может, поспокойнее. Да и Сайганов, если бы это было не розыгрышем, а правдой, сел бы в фургон и дал себя спокойно увезти в прокуратуру для дальнейшего разбирательства.

Когда перед Лерой встал вопрос, что бы такое оригинальное придумать, чтобы произвести впечатление на собравшихся, она думала довольно долго. Сначала, как и Лена, она пыталась представить себе наряд, в котором можно появиться перед гостями и который произвел бы должное впечатление. Но перед глазами возникали самые нелепые костюмы, которые она когда-то уже видела в кино или на школьных маскарадах. Все это было слишком просто для такой забавы, которая устраивалась в Бобровке. Пригласить с собой в гости какую-нибудь знаменитость она не могла по вполне тривиальной причине – отсутствия денег. Даже если бы ей удалось каким-то немыслимым образом уговорить приехать с ней мэра города, то вряд ли бы это кого-то удивило. Больше того, вызвало бы лишь ироничный смех, и мэр бы ей этого никогда не простил. К тому же мэр – не президент страны. Не тот уровень даже для такого простого, по мнению Леры, общества, какое должно было собраться в Бобровке. Так, горстка амбициозных и скучающих буржуа, которые удавятся за тысячу баксов. И тогда ей пришла в голову идея переодеться мужчиной. Вот у Ольги Астровой это не получилось бы – она была слишком женственна, слишком полногруда, чтобы пытаться выдать себя за мужчину. А у Леры с ее внешностью подростка наверняка все получится. Для начала она нашла в драмтеатре хорошего профессионального гримера, женщину средних лет с умными глазами и приветливой улыбкой, объяснила, что ей нужно, и попросила ее за небольшую плату попробовать изменить ее внешность. И через пару часов в гримерной драмтеатра перед большим зеркалом сидела уже не молодая женщина, а молодой мужчина. С помощью тончайших поролоновых прокладок гримерша изменила форму носа, скул, лба и даже подбородка. От прежнего лица Леры не осталось ничего, кроме глаз. Первоклассный мужской парик завершил образ, и теперь Лере, глядящей на себя в зеркало, стало даже не по себе от того, что прямо перед ней сидел и таращился на нее совершенно незнакомый парень. Лера поблагодарила

гримершу, заплатила ей и даже пригласила ее в кафе пообедать равиолями. Теперь она была уверена, что конкурс выиграет и получит тысячу долларов. Оставалось только найти мужскую одежду. И тут она вспомнила про Прудникова. Это был ее старый знакомый еще по музыкальной школе. Когда она думала о нем, перед ее глазами возникало старое, красного кирпича немецкое здание музыкальной школы, и она словно чувствовала характерный запах паркетной мастики, которой натирались полы. Юлий хорошо пел и был в школьном хоре солистом. Высокий смуглый хорошенький мальчик, он тем не менее почему-то не вызывал ни у кого из девочек интереса. Словно в нем чего-то не хватало, какой-то очень важной мужской ноты. Возможно, он уже тогда обнаружил у себя некоторые особенности организма, отталкивающие от него женский пол и заставляющие его искать партнеров среди себе подобных. Но ни Лера, ни ее подружки ни о чем таком и не догадывались. Они обращались с ним как с девчонкой, и некоторые доверяли ему даже свои личные, любовные тайны. У Юлия были густые черные волосы, которые от природы завивались красивыми блестящими кольцами, белые ровные зубы и тонкая, с голубыми прожилками, нежная кожа. Учителя не могли нахвалиться на Юлика. Говорили, что у него абсолютный слух. Голос его тоже обращал на себя внимание.

После окончания школы и экономического института Лера работала помощником бухгалтера в горкомхозе, в самом центре города и ходила обедать в ближайшее кафе, где и встретила Юлика, случайно, когда тот стоял в очереди за кофе и бутербродами. Был обеденный перерыв, на улице шел дождь, было холодно, и людей в кафе набилось слишком много, не протолкнуться. И вдруг Лера увидела в толпе знакомое лицо. Она несколько секунд пыталась вспомнить, где она могла видеть это лицо и когда. И вдруг в нос ей словно ударил запах паркетной мастики, и она, поддавшись радостному порыву, крикнула: «Юлик!» Прудников оглянулся, увидел ее и слабо улыбнулся, знаком приглашая ее подойти к нему, поскольку очередь его уже приближалась. На нем был поношенный плащ, черный берет, шею его охватывал толстый шерстяной шарф малинового цвета. Выглядел он, мягко говоря, совсем бедным и голодным. Но глаза его загорелись радостным огнем, когда он начал говорить с протиснувшейся к нему Лерой и вспоминать музыкальную школу. Лера в двух словах рассказала ему о себе, а он – о себе. Выяснилось, что он окончил художественное училище и теперь перебивается редкими заработками, оформляя витрины магазинов и делая черную работу в качестве помощника декоратора в театре оперетты. У него не было ни жены, ни детей, он жил один в маленькой квартирке неподалеку от городского сада «Липки». В кафе они обменялись адресами и телефонами и с тех пор стали иногда встречаться. Лере нравилось бывать у Юлика в квартире, центральную часть которой занимала красивая, выложенная белоснежной

плиткой печь. На письменном столе царил строгий порядок, почти такой же, как и у Леры. Везде было чисто, все прибрано, даже в крохотной кухоньке, которая вмещала в себя шкаф, стол, плиту и унитаз, прикрытый декоративным расписным подносом. Маленькие чашки для чая, маленькие кастрюльки с супом или вареной картошкой, маленькая селедочница с маленькими кусочками селедки и кружочками лука… Однажды зимой, когда Лера заскочила к нему, чтобы погреться и обменяться впечатлениями от встречи с одной их общей знакомой, Юлик ей не открыл, хотя она видела, что свет в его окнах горит. Любопытная по натуре, она не ушла, а напротив, пользуясь тем, что окна его квартиры выходят в маленький пустой, занесенный снегом дворик, Лера подставила к окну большой деревянный ящик, который нашла возле мусорного бака, и забралась на него, чтобы посмотреть, что происходит у Юлика в комнате.

Спустилась она так же проворно и быстро, как и поднялась. Щеки ее пылали. Еще недавно ей было холодно, и она мечтала отогреться у пышущей жаром печки Юлика, а теперь впору было распахивать шубу…

Юлик в комнате был не один. С ним был мужчина, такой же молодой. Оба были раздеты. То, что она увидела, вызвало настоящий шок. Волна отвращения заставила ее поклясться себе, что она больше никогда и ни за что не переступит порога этой грязной квартиры. Она почти бежала по улице, снег скрипел под ботинками, а перед глазами маячили силуэты обнаженных мужских тел в красноватом отблеске пламени… Еще там, кажется, звучала музыка…

Но ее хватило ненадолго. Уже через три дня она снова позвонила в дверь его квартиры, расположенной на первом этаже старого купеческого дома, в котором в последнее время жили одни старики да располагалась маленькая похоронная контора. Дверь ей открыл Юлик. На нем был толстый вязаный свитер, джинсы и большие войлочные домашние туфли. Яркий румянец играл на его щеках.

– Лера, я подхватил вирус, у меня температура… – предупредил он ее, прикрывая рот ладонью. – Если не боишься, то проходи.

Но она не поверила ему:

– Ты не один?

– Один, конечно. Просто я не хочу, чтобы ты заразилась от меня.

– Может, тебе купить лекарство?

– Хорошо было бы… Но у меня нет денег. Совсем. Если только в долг.

В тот день она сходила ему за лекарством, сварила куриный бульон, пробыла в его квартире почти до самой ночи и много чего интересного узнала о его личной жизни. Он, не таясь, сам рассказал ей о своих близких друзьях-геях, о том, как все они лживы и продажны, посетовал на то, что таким его сотворила мать – природа, а потом неожиданно попросил Леру познакомить его с какой-нибудь состоятельной дамой, которая нуждается в сопровождении. Лера сначала не поняла, и тогда Юлик объяснил ей все откровенно и в деталях. Оказывается, он до недавнего времени подрабатывал тем, что сопровождал одиноких женщин на деловые встречи, куда требовалось приходить парой: в театр, на день рождения, вечеринки и тому подобные мероприятия. Он сказал и о том, что в большинстве своем женщины, которые нанимали его, втайне мечтали соблазнить Юлика и многие даже предлагали ему деньги.

– И ты говорил им, кто ты?

– Нет. Если бы я сказал, то сразу потерял бы работу. Женщина ничего не должна знать.

– А если я захочу пойти с тобой куда-нибудь, ты согласишься? Я заплачу тебе!

– Конечно. Это же моя работа.

Леру такой ответ покоробил. В сущности, он должен был быть попросту благодарен ей за то, что она согласна взять его на какую-нибудь вечеринку, где он мог хотя бы поесть как следует и выпить. Но он и ее, оказывается, воспринимал все это время как потенциальную клиентку. Что ж, вероятно, люди меняются, и никакие дружеские отношения не могут повлиять на желание человека заработать. Должен же он платить за квартиру, телефон, покупать себе еду и одежду.

После этого разговора Лера долго думала, как можно использовать Юлика, чтобы изменить что-то в своей жизни, а заодно и помочь ему. И поняла, что сопровождение – идеальный вариант. И он стал появляться у нее на работе во

время праздничных банкетов, куда работники должны были приходить парами. Потом пошли дискотеки, куда Лера одна никогда бы не рискнула пойти. Казино, ночные бары, рестораны. Она даже купила Юлику костюм, рубашку и ботинки, чтобы ей не стыдно было показываться с ним где бы то ни было. И, надо сказать, он не обманул ее ожидания – где бы они ни появлялись вместе, на них обращали внимание, а женщины едва не сворачивали себе шеи, глядя на этого стройного черноволосого мужчину. И она стала понимать тех женщин, которые надеялись заполучить себе Юлика в любовники. Он был слишком красив, чтобы оставаться недосягаемым для женщины с кошельком. Даже сама Лера, которая многое знала о нем, ловила себя на мысли, что желает этого парня, несмотря ни на что. А та сцена в окне зимой лишь распаляла ее еще больше. Но это случалось редко, крайне редко. Когда же в ее жизни появился Сайганов, Юлик был благополучно забыт. До того самого момента, пока ее не пригласили в Бобровку на вечеринку. Она не могла явиться туда без спутника, это свидетельствовало бы о том, что она одинока и несчастна. А она не хотела, чтобы ее воспринимали именно так. Поэтому она позвонила Юлику и договорилась с ним о встрече. Они вместе обсудили возможность их появления в Бобровке в милицейском фургоне, и Юлику поручено было раздобыть транспорт. И кто бы мог подумать, что получится все так замечательно и что Сайганова едва не хватит удар, когда его чуть не арестовали за убийство женщины…

Убийство женщины… А что, если это он, Сайганов, убил Олю?

Глава 7

Договорившись на завтра о том, что Саша Гольцев отвезет Шубина и Женю в квартиру, где он прятал Таню Камышину, и, распростившись с ним, Игорь предложил Жене, не откладывая дела в долгий ящик, позвонить Лере Тарвид.

– Она, судя по всему, должна согласиться принять нас. Во-первых, она считалась лучшей подругой убитой Ольги Астровой, во-вторых, ее отказ может быть истолкован не в ее пользу, другими словами, она сделает все, чтобы только ее не заподозрили в причастности к убийству, – сказал он Жене.

– А ты подозреваешь ее?

– Да нет, я пока еще никого не подозреваю. Но для того, чтобы представить себе всю картину преступления в целом, я должен расспросить всех участников этой драмы. Так почему бы не начать с Леры?

– А потом мы поедем в Бобровку и встретимся там с Леной Сайгановой? А затем – с Таней Камышиной? Как интересно!

– Кроме женщин, не забывай, в Бобровке были еще и мужчины: какой-то Юлик Прудников, Валентин – доктор, любовник Астровой. Так что работы много, и я не думаю, что тебе все эти разговоры, допросы доставят так уж много удовольствия.

– Не пугай, лучше поехали.

– Сначала ты позвони.

Разговор был коротким, и Лера хоть и не сразу, но согласилась встретиться и помочь следствию. Женя накинула куртку, поправила прическу перед зеркалом, и они с Игорем вышли, предварительно заперев на все замки дверь агентства.

Дом, в котором жили Лера Тарвид и погибшая Ольга Астрова, они нашли быстро. Он находился неподалеку от известного волжского рынка под названием «Пешка», славившегося своей свежей рыбой и дешевизной местных овощей и фруктов.

Взглянув на худую и бледную девицу с аккуратно зачесанными волосами, в черных брюках и таком же черном свитере, Шубин почему-то сразу поверил, что в тот момент, когда она появилась в Бобровке, переодетая в мужской костюм, ее действительно можно было принять за работника прокуратуры. И дело тут, пожалуй, было не столько в ее росте, фигуре и чертах лица, а именно в определенном стиле, которого придерживалась Лера. У нее был деловой стиль в поведении, в одежде и, может быть, даже мысли были только деловые. В квартире царил идеальный порядок. На подоконнике стояла ваза с аккуратными хризантемами. На столе – сверкающая чистотой хрустальная пепельница, при виде ее Шубин невольно вспомнил те дела, которые он расследовал, где убийства людей происходили с помощью таких вот массивных и страшных пепельниц.

– Проходите, пожалуйста, – пригласила их Лера. – Не скрою, что ваш визит застал меня некоторым образом врасплох. Я, честно говоря, не доверяю ни милиции, ни прокуратуре, а потому не верю, что убийцу Оли найдут. Слишком уж странное преступление. Не могу понять, кому понадобилось ее убивать. Она – не бизнесмен, не политик, да и денег у нее не было. Разве что ее убрали, как свидетеля…

– А она вам что-то рассказывала? – оживился Игорь. То, что сообщила Лера, показалось ему интересным. Какой еще свидетель?

– Да нет же, – замахала она руками, – это я сказала просто так, как бы к примеру. Спрашивается, за что убивают в детективных романах тихих и незаметных людей, не имеющих отношения ни к деньгам, ни к власти? Как правило, они, на свою беду, оказываются не в то время и не в том месте. Случайно что-то увидят или услышат и невольно становятся опасными свидетелями. Я просто предположила. Может, чаю?

– Я не против, а ты? – Женя повернулась к Игорю и посмотрела на него, как бы спрашивая его взглядом, правильно ли она себя ведет.

– Пожалуй, – поддержал он ее. – Правда, у нас не так много времени…

Когда Лера принесла из кухни поднос с чашками чая и вазочку с печеньем, Игорь попросил ее рассказать об Ольге.

– Оля? Мы с ней были подругами. Жили в одном доме. И не было, пожалуй, ни одного дня, чтобы мы с ней не виделись. То она ко мне забежит, то я к ней. Мы обе не замужем, а потому часто проводили время вместе. Ходили гулять на набережную, сидели в кафе, болтали. Все как обычно. Мы были с ней довольно откровенны. Но если у нее и были какие-то любовные приключения, которыми можно было поделиться или скрыть от меня, то моя жизнь, в отличие от ее, проходила спокойно, если не сказать скучно.

– Кем вам приходится Прудников?

– Можно сказать, друг детства. Мы ходили вместе с ним в одну музыкальную школу. Он был солистом в хоре.

– В каких вы с ним отношениях?

– Да ни в каких. Он мне просто друг.

«Его зовут Юлий. Так, ничего особенного. Тихая и незаметная личность. Вернее, даже вовсе и не личность. Таня сказала мне, что Лера платит ему за то, что он сопровождает ее. Ненавижу таких субчиков!»– вспомнил Игорь слова Гольцева о Прудникове.

– Вы часто с ним встречаетесь?

– Довольно-таки. А что? Вы подозреваете, что это он убил Ольгу? Да они даже не были знакомы! Может, виделись несколько раз, и все. Во всяком случае, Оле он никогда не нравился.

– Хорошо, оставим Прудникова. Итак, Ольга. Чем она занималась, когда не ходила к вам в гости и не гуляла по набережной? На что жила?

– Кажется, она была дистрибьютором какой-то косметической фирмы. Мы с ней почти не говорили о деньгах.

– Вот как? – удивилась Женя. – А по-моему, тема денег актуальна и не считается признаком дурного тона, особенно между подругами. Вы явно лукавите, Лера. Вы вот кто? Бухгалтер?

– Да, бухгалтер, и горжусь этим, – сказав это, она даже выпрямила спину, словно невольно хотела продемонстрировать свое отношение к этой профессии. – У меня с этим все в порядке. У меня вообще все в порядке.

Она холодно окинула взглядом незваных гостей и, как показалось Жене, даже пожалела о том, что согласилась на встречу. Меньше всего она хотела, чтобы, говоря об Ольге, затрагивали и ее личную жизнь.

– Вы извините, – продолжала гнуть свою линию Женя с молчаливого согласия Игоря, – если я была резка с вами, но посудите сами, разве подруги могут не говорить о деньгах? Да о деньгах все только и говорят! Я понимаю, если бы Ольга была женой состоятельного человека и ни в чем не нуждалась, а вы, к

примеру, руководили солидной фирмой и также были богаты, вот в этом случае, пожалуй, я бы поверила вам, что вы с Ольгой не говорите о деньгах… Да и то вряд ли… Вся наша жизнь зависит от количества денег, вы не согласны?

– Да, пожалуй, вы правы. Мы иногда говорили с Ольгой о деньгах, – сдалась Лера со слабой улыбкой. – И она жаловалась, что ее работа почти не приносит прибыли. Но надо учесть и ее характер. Она мне всегда напоминала козочку, которую пустили в огород, где растет капуста. Косметика, духи – все это составляло чуть ли не основу ее привлекательности. Понятное дело, что, являясь дистрибьютором, она в первую очередь покупала все себе. Эта фирма буквально разорила ее. У нее уходили просто-таки астрономические суммы на косметику и одежду. Оля любила хорошую помаду, пудру, дорогие кремы, а потому тратила на это все, что у нее было. Часто, если ей хотелось что-то купить, она продавала свои вещи…

– Кому? Что, ходила на базар?

– Что вы такое говорите?! Оля продавала эти вещи мне. Но это было не какое-то там барахло, а настоящие фирменные и дорогие вещи. Дело в том, что она совсем недавно переехала в Саратов из Москвы.

– Как давно?

– Два года назад.

– И что, у нее была там квартира?

– Не знаю. Может, она там снимала жилье… Но у меня всегда было такое впечатление, будто раньше, в своей московской жизни, она жила на широкую ногу. Я сужу только по вещам и тем замашкам, которые у нее с тех пор остались. Она редко когда опускалась до макарон с колбасой, очень любила икру, просто бредила ею. Шампанское пила, как воду. Ну, вы меня понимаете. Что бы она ни надела из того, что осталось у нее с московских времен, все было очень красивым и стильным. Даже то, что сейчас надето на мне, раньше было ее костюмом. Это же настоящий Версаче! Еще у меня есть купленное у нее же платье, а вы бы видели меховую куртку…

Слушая ее, Женя ловила себя на мысли, что черные брюки от Версаче выглядят ничуть не лучше, чем ее собственные брюки, приобретенные в одном из недорогих магазинчиков «Пассажа». Но информация об Ольге Астровой, полученная из первых рук, от ее самой близкой подруги, тоже показалась ей достаточно важной и убедительной. Значит, два года тому назад Ольга жила в Москве. Чем она там занималась? На что жила? Какой образ жизни вела? А что, если ее убийство напрямую связано именно с тем периодом ее жизни?

– Хорошо, – влился в беседу Шубин. – Значит, она жила на комиссионные от продажи элитной косметики и своих носильных вещей. И все? Может, у нее были какие-то планы на будущее? Замужество, например?

– Об этом мне ничего не известно. Насколько я знаю, если у Ольги и появлялся какой-нибудь бойфренд, то чаще всего из студенческой среды, другими словами, все были бедными, но амбициозными, лично мне никто из них никогда не нравился…

– Вы могли бы назвать хотя бы одного парня, с которым встречалась ваша подруга? Имя, фамилию, адрес, телефон?

– Нет, что вы! Это все были одноразовые мужчинки, как говорила про них сама Оля. Как шприцы или презервативы.

– Кстати о презервативах, Ольга не была беременной?

– А разве вскрытия еще не было? – в свою очередь удивилась Лера. – Или в детективном агентстве нет таких сведений?

– Заключения экспертизы еще нет, – уклонился от прямого ответа Шубин. – Но уже к вечеру у нас будут все официальные данные по этому делу.

– Ну хорошо, я не хотела вас обидеть или выказать вам свое недоверие. Не думаю, чтобы Ольга была беременна. Мне она, во всяком случае, ничего такого не говорила. Но, с другой стороны, она могла этот факт просто скрыть. Вы хотите сказать, что какая-нибудь сволочь могла ее убить лишь за то, что она залетела?

– Это только версия. Жаль, что вы мало знаете о своей подруге. Но хотя бы о докторе, Валентине, она вам что-нибудь рассказывала?

– Да, буквально несколько слов. Она называла его бледной поганкой и еще говорила, что у него хорошая частная практика в Москве.

– Значит, он из Москвы?

– Да. Приехал отдохнуть в Саратов, представляете? Как на Канары или на бразильский карнавал. Что у нас здесь хорошего? Тоска. Скукотища. Некуда пойти, кроме как на проспект Кирова или в театр… Вот театры у нас хорошие, ничего не скажешь.

– А может, он приехал именно к Ольге? А что, если это один из ее московских знакомых?

– Не думаю. Я видела, как они общаются. Так не ведут себя близкие люди. Не знаю, как это объяснить…

– А где они познакомились?

– Кажется, в кафе. Она была большая любительница ходить по кафе. Если не было денег, возьмет себе пиво, сухарики и будет сидеть, пока не выберет себе кого-нибудь… Она была красивая, а потому к ней часто кто-нибудь подваливал, угощал…

– Вы завидовали ей? – вдруг спросил Шубин.

– Завидовала, это правда, – неожиданно откровенно призналась она. – Как же не позавидовать природной красоте? Думаю, и вы бы, как вас?.. Женя? Женя, вы бы видели ее! Да ей никакая косметика была не нужна. Она была очень, понимаете, очень красива. Ее лицо могло бы украшать обложки мировых журналов, таких, как «Вог». А она пользовалась красотой, чтобы только прокормиться. У нее могло быть такое блестящее будущее, а она взяла и смылась из Москвы, дура! – воскликнула она в сердцах. – Встречалась здесь с кем ни попадя, жила на жалкие подачки. Думаю, она стала моей подругой еще и потому, что чувствовала, что я никогда не брошу ее, что у меня водятся деньги и что я, в

отличие от нее, стабильна, понимаете? Сработал, так сказать, инстинкт самосохранения. Ведь, если она заболевала, гриппом или еще чем-то, то кто за ней ухаживал? Конечно, я! Но когда у нее появлялся мужик, она про меня забывала… – И тут Лера разразилась рыданиями.

Сквозь слезы она заговорила о своей любви к Ольге, о том, что не может найти в себе силы забыть ее смерть и что она вообще вряд ли справится с такой потерей. Женя взглянула на Шубина, как бы спрашивая, не рисовка ли это, на что он лишь пожал плечами. Знаком подозвал ее к себе, они вместе удалились на кухню, чтобы обменяться впечатлениями, пока Лера не успокоится и не сможет дальше продолжить разговор.

– Знаешь, мне трудно понять, искренне ли она горюет о смерти подруги или, напротив, не знает, куда себя деть от радости. Понимаешь, не нравится мне все это…

– Что именно? Что она покупала у нее поношенную одежду? Что завидовала ей? Но это нормально, Игорь. Такое встречается сплошь и рядом среди подруг. Хотя слово «подруга» здесь вряд ли применимо. Скорее всего, они были просто приятельницами-соперницами. Не знаю, как это объяснить, но я чувствую это, понимаешь? Лера многое скрывает. Конечно, она знала о том, какой образ жизни вела Ольга. Мужчины, много мужчин… Или же… один мужчина, но с деньгами. Может, это и есть Валентин. С ним нам тоже надо будет встретиться, хорошо бы в неофициальной обстановке. Быть может, ты дашь мне задание познакомиться с ним поближе? Я готова, – она улыбнулась, и от этой улыбки у Шубина что-то дрогнуло в душе. Он подумал, что именно эта улыбка помогла ему с Женей, совершенно незнакомой девчонкой, так быстро найти общий язык. – Пусть это будет моим первым заданием.

Она перешла на шепот, потому что они услышали звук приближающихся шагов. Лера, появившись на кухне, принялась зачем-то жарить яичницу.

– Понимаете, когда я нервничаю, мне всегда хочется есть. Вот так странно проявляется волнение… Вы уж извините меня, но яичницу я сделаю на троих. Возражения не принимаются. Вы думаете, я не знаю, о чем вы здесь сейчас говорили? Обо мне. И о том, что я могла что-то знать об Ольге. Но это не так, поверьте мне. Ольга была, ясное дело, не простой девушкой. Но я действительно не знаю никого из ее любовников, кроме этого доктора. Да я и его не знаю… Думаю, он влюбился в Ольгу, как и все мужики, но она держала его на коротком

поводке. Знаете, есть такие женщины, которые держат мужчин на поводке. И не отпускают, но и к себе не дают приблизиться. Я даже не уверена, что они были в интимных отношениях.

– Однако на вечеринку она приехала с ним. Как вы думаете, Лера, могла она с ним посоветоваться относительно этого конкурса? Или с вами? Вы знали, что она придумала, чтобы удивить всех?

– Чтобы Ольга что-то рассказала? Да вы что! Но, скорее всего, она не стала бы рядиться в карнавальный костюм, вроде Лены Сайгановой. Вот окровавленный труп в садовом домике – это да, это в ее духе. Я, например, не поверила, что она мертва. Думала, это розыгрыш… Она и только она должна была получить этот приз…

– А она тоже ничего не знала о вашем предстоящем перевоплощении?

– Конечно, нет! В этом-то и был весь фокус – чтобы никто ничего не знал.

– Тогда, может, вы расскажете, как все было? Кто и как нашел труп…

– Пожалуйста. Я все отлично помню. Итак. Мы собрались ровно в двенадцать. Я приехала в милицейском фургоне вместе с Юликом, и мы, представившись работниками прокуратуры, сказали, что намерены арестовать Сайганова, хозяина дома, за убийство молодой женщины. Вы бы видели его лицо… Можно было подумать, что он действительно испугался, то есть что он и вправду кого-то там убил и теперь побелел от страха… Я и сама испугалась…

– Чего вы испугались?

– Как чего… – покраснела Лера, раскладывая яичницу по тарелкам и нарезая хлеб. – Я же не знала, что у него будет такая реакция… Я думала, что он сразу меня узнает… И потому, не дожидаясь естественной развязки, – ведь он готов был сесть в машину! – я сама не выдержала, расхохоталась и открылась. Боже, как он обрадовался… Не могу поверить, что и его теперь нет… Нет, нет, нет! – закричала она, с силой обхватив пальцами виски. – Да что же это за проклятие такое! Вы вот пришли ко мне, хотите искать убийц, а я до сих пор не могу поверить в то, что это действительно происходит со мной. Убили Олю, убили Диму! Кто? За что? Может, все это только чудовищный розыгрыш, который

продолжается?

Лицо ее раскраснелось. Она смотрела на Шубина и Женю, словно не понимая, кто они на самом деле и зачем пришли.

– Вы наверняка видели этот странный фильм, «Игра» называется, с Майклом Дугласом. Да, безусловно, там слишком много несовпадений и ляпов, но зритель все равно на подсознательном уровне верит, что все это – реализованная фантазия того, кто хотел по-настоящему удивить главного героя. А здесь? Кто хотел удивить двумя смертями и кого? Кажется, это сам дьявол…

Она явно была не в себе. Достала из холодильника банку с солеными огурцами, выловила один и принялась с хрустом и аппетитом жевать.

– Может, мы отложим наш разговор на завтра? – предложил Шубин, который понимал, что Лера близка к нервному срыву и сейчас от нее все равно ничего не добиться.

– Да, пожалуйста, приходите завтра.

– Вы нам дайте только адрес Прудникова, – напомнила Женя.

Лера сходила в комнату и вернулась оттуда с листком бумаги и ручкой, быстро написала адрес и протянула Шубину.

– Извините, но я что-то себя неважно чувствую…

– Да, вот еще что… У вас нет случайно фотографии Астровой?

– Как же, конечно, есть… Могу дать вам даже несколько… – Она всхлипнула.

Шубин с Женей вышли на свежий воздух, и каждый про себя отметил: как хорошо, что меня там, в Бобровке, не было.

Глава 8

Саша Гольцев жил в крохотной однокомнатной квартирке в доме с длинными коридорами, где симметрично были расположены двери однотипных квартир-нор, в которых обитали в основном рабочие бывшего военного завода с семьями. В большинстве своем это были люди пьющие, простые и грубые. С первого и по девятый этаж лестницы были завалены разорванными пакетами с вывалившимся мусором, в подъезде было не продохнуть от зловонного и вечно забитого мусоропровода, а под ногами метались большие крысы. Стены подъезда были разрисованы непристойными картинками с еще более непристойными комментариями. По дому полчищами маршировали тараканы, в ванных комнатах по цементному полу ползали мокрицы, а летом между рамами набивались серые, плоские, словно металлические, мерзкие летающие клопы с мерзким запахом. Весь дом – узкий, холодный, продуваемый ветрами и с видом на городское кладбище – был заражен какой-то общей тоской, унынием и беспросветностью. Быть может, поэтому именно этот дом притягивал к себе местных самоубийц, которых год от года становилось все больше и больше. Распахнутое окно с выбитыми стеклами девятого этажа этого «нехорошего» дома облюбовали наркоманы и шизофреники, решившие таким вот простым способом свести счеты с жизнью. Узкая кривая дорога, ведущая от подъезда дома прямо на кладбище, упиралась в могилы, на одной из которых повесился на кресте мальчик-подросток, не справившись со своей первой, неудачной любовью. Его так и нашли утром – сидящим на могилке с петлей на шее.

Наверно, поэтому Саша прятал Таню не у себя, а в маленькой квартирке в дальнем Заводском районе города, которая досталась ему от тетки. После смерти родственницы он по завещанию принял наследство, то есть эту квартиру, металлический гараж вместе со старенькой «шестеркой», но продавать ничего не стал. Отремонтировав квартиру, пустил туда жильцов, а машину перебрал сам, привел в порядок и стал на ней ездить. Конечно, эта машина не шла ни в какое сравнение с роскошными иномарками его хозяев, зато она была его собственностью, и одна только эта мысль грела душу и заставляла относиться к машине как к живому существу, за которое он теперь нес ответственность. Но еще большее чувство ответственности он испытывал по отношению к Тане Камышиной. Простая деревенская девушка, работящая, спокойная и терпеливая, она была словно создана для Саши. Он, едва увидев ее, сразу понял, что это именно та женщина, с которой он мог бы создать семью. И хотя он видел, что Таня живет в богатом доме среди богатых и холеных, не знающих ни в чем нужды людей, он понимал, что она никогда не станет такой, даже если очень захочет. Он знал, чувствовал, что она сделана из такого же материала, что и он сам, а потому делал все возможное, чтобы как-то сблизиться

с ней, чтобы дать ей понять, что он любит ее и что у него по отношению к ней лишь серьезные намерения. Но Таня будто и не видела его, когда он появлялся на пороге дома. Даже Лена и то заметила, какими глазами водитель ее мужа смотрит на Таню, и с ироничной улыбкой всякий раз, когда он приезжал, звала Таню и просила накормить Сашу. Когда Саша сломал ногу, Лена сама посылала ему через Таню посылки с продуктами и деньги, и вот во время этих встреч они немного сблизились и стали друзьями. Таня приезжала на стареньком белом «Мерседесе», как правило, после рынка, куда ее отправляли хозяева за покупками. Она входила в палату, где лежало еще четверо молодых мужчин, и сразу становилось необычайно тихо. Пять пар мужских глаз смотрели на Таню, нагруженную пакетами. Таня всегда садилась на стул рядом с кроватью Саши и говорила с ним. Иногда она угощала и других больных фруктами или сигаретами и разговаривала при этом с ними. Когда Саша стал ходить, они часто сидели с Таней в больничном саду. Но обнять или поцеловать Таню он не решался, она не позволяла ему прикоснуться к себе. Краснела так, что горели уши, бормотала что-то, качала головой, и он понимал, что она не готова к тому, чтобы их отношения развивались дальше. Потом ее визиты стали реже. А когда Сашу выписали, то он, уже устроившись на другую работу, все же навещал Сайгановых, вернее, Таню, приезжая в Бобровку на своей машине.

Он потерял уже всякую надежду, как вдруг она позвонила ему и сказала, что хотела бы встретиться с ним и обсудить одно дело. Они договорились встретиться с ней на рынке, возле фонтана во вторник. Когда он увидел ее тоненькую фигурку на фоне голубоватых струй фонтана и неподъемные сумки, стоящие возле ее ног, сердце его сжалось. Он подумал, что уж теперь, когда она сама позвонила ему, пусть даже и по делу, он не упустит такой возможности и признается ей в любви. Но Таня спутала все его планы. Она попросила его исполнить роль ее возлюбленного. И тут же рассказала о готовящейся вечеринке.

– Но почему именно возлюбленного? Почему не просто друга?

– Понимаешь, Саша, это игра, просто игра. Все будут со своими партнерами, понимаешь? Ольга Астрова, Лера Тарвид… А у меня нет пары. Если ты придешь и будешь себя вести как обычно, то есть сидеть скромненько в уголке, то все и будут воспринимать тебя просто как бывшего шофера Сайганова. А мне бы хотелось, чтобы мы разыграли влюбленную пару, понимаешь?

Он, конечно, ничего не понял, но тогда это для него не имело решительно никакого значения. Ведь ему предлагалось играть роль возлюбленного, а это означало, что Таню можно будет держать за руку, поцеловать ее в щеку, а то и в губы… И, главное, она сама его об этом просит! Конечно, он с радостью согласился. Его уже не интересовали подробности и условия какого-то там конкурса. Расставшись до 3 сентября, он теперь только и жил мечтами об этой вечеринке, где он будет не просто бывшим шофером Сайганова, а как бы равным членом их компании и даже больше – он будет близким другом Тани.

Его появление на вечеринке, однако, ни на кого не произвело никакого впечатления. Его бывшие хозяева восприняли его появление спокойно, словно он никуда и не исчезал, не увольнялся. Пришел так пришел. Видимо, они были предупреждены Таней, кто именно составит ей пару. Всему тому, на что так рассчитывал Саша, постоянно что-то мешало. Таня была занята приготовлениями, накрывала стол, а потом прислуживала (да, иного слова и не подберешь!) за столом и не имела возможности даже присесть, не говоря уж о том, чтобы изображать из себя влюбленную женщину. Он и сам очень скоро понял, что она нуждается в его реальной помощи, а потому, даже после того как все гости собрались, целый час провел на кухне, помогая ей открывать банки, носить салаты, доставать из погреба пиво, вино и соки. И только примерно полчаса они все, все собравшиеся на вечеринку, провели вместе за столом. Все, да не все… Это сначала за столом было восемь человек, а потом выяснилось, что нет Ольги Астровой. Скорее всего, она вышла из-за стола в тот момент, когда все обсуждали и рассматривали необычное одеяние из перьев Лены Сайгановой. Это был очень смелый наряд. Сквозь перья проглядывали темно-розовые соски молодой стройной женщины, и это не могло не волновать присутствующих мужчин. Саша тоже испытал волнение и желание, увидев свою бывшую хозяйку в таком виде. И Таня, чего уж там, была на время позабыта. Тем более что она, в отличие от Лены, решила, что сможет всех удивить пирогом с долларовой начинкой. Наивная дуреха. Но какая милая!

А потом случилось страшное. Нашли Ольгу. Мертвую, с ножом в груди и в луже крови. А немного позже, пока ждали приезда милиции, чья-то подлая рука убила и Сайганова. Все происходило как во сне. Одно убийство за другим. Саша знал о Сайганове многое. Ведь сам отвозил его к шлюхам и долго ждал в машине, пока шеф не освободится. При всей своей занятости и внешней серьезности и респектабельности, Сайганов в глазах Саши Гольцева оставался молодым и легкомысленным шалопаем, любителем женщин. Он не любил водку, но пил, потому что так нужно было для дела, чтобы поддержать компанию и наладить контакт с деловым потенциальным партнером. Но женщин он любил… даже

больше денег. Хотя обращался с ними дурно, всегда первый бросал их (Саша не раз слышал, как он по телефону прямо и открыто заявлял о том, что он не приедет и чтобы ему не звонили). Он мог порвать с женщиной, а через месяц-другой, накупив цветов и закусок, вернуться к ней и начать все сначала.

Но история с Ольгой Астровой оказалась не похожей ни на какие другие его любовные похождения. Сайганов любил Ольгу. Он был словно болен ею и встречался с ней каждый день. Правда, это не мешало ему навещать и еще какую-то женщину, жившую в одном доме с Ольгой. Сайганов не прятал Ольгу от своего водителя, и сколько раз Саша отвозил их в лес или на Волгу, оставлял там на час-два, а потом возвращался, чтобы отвезти обратно в город. Остальных же любовниц шефа Саша никогда не видел, хотя ему было ужасно интересно узнать, к кому же он приезжает в тот же дом, где живет Ольга. А сколько раз Сайганов поручал Саше покупать цветы для своих подружек, конфеты, какие-то подарки! Вся его жизнь была наполнена контрастными встречами – с деловыми партнерами или с женщинами. И это счастье, что Лена ни о чем не догадывалась. Разве что об Ольге?..

После того как приехала милиция, стало вдруг известно об исчезновении Тани. Она скрылась, уехала на старом белом «Мерседесе» и этим поступком, по сути, испортила себе всю жизнь. Все были в шоке, потому что каждый из оставшихся в живых на этой кровавой бойне под названием вечеринка сразу заподозрил именно ее в совершении двух убийств. Прозвучали реплики: «Крыша поехала, надоело прислуживать…» или: «Не иначе как с деньгами скрылась…» Говорили первое, что пришло в голову. А она, так получилось, воспользовалась суматохой, вызванной приездом милиции, выскользнула из дома, обошла его, открыла гараж, выходящий воротами на дорогу, завела машину и уехала.

Старший следователь прокуратуры Корнилов подолгу допрашивал всех, кто был в доме: Лену, Леру, Юлика Прудникова, Валентина и Сашу Гольцева. Алиби, стопроцентное алиби каждого, вот что объединяло тогда этих людей. И ведь у Тани тоже было алиби на тот момент, когда произошли убийства. Но об этом тогда никто даже и не вспомнил. Она сбежала, значит, виновата.

Саша вернулся домой под утро. Смертельно уставший. Вошел в свою квартиру и сразу же упал на кровать. И вдруг звонок. Он схватил телефон, потому что почувствовал, что это она, Таня.

– Мне надо спрятаться. Я ни в чем не виновата. Я никого не убивала. Помоги мне, Саша. Иначе я пропала.

– Где ты?

– Там же, у фонтана, возле рынка, где мы с тобой встречались. Я здесь совсем одна. Только собаки бродят… И холодно, ужасно холодно. Ты приедешь за мной?

Саша с радостью подумал о том, что жильцы с теткиной квартиры съехали еще в августе. Он уже видел Таню, входящую в двери этой тихой маленькой квартирки…

По телефону он вызвал такси. В голове шумело от выпитого и от всего того, что им всем пришлось пережить. Пока он ждал такси, у него было время принять горячий душ, выпить таблетку от головной боли, одеться и захватить куртку для Тани.

Через полчаса он уже был возле рынка. Таня сидела на той же самой скамейке и тряслась от холода и страха. Он посадил ее в машину, и они отправились в Заводской район. По дороге заехали в круглосуточно работающий магазин, где Саша купил чай, кофе, молоко и ветчины с хлебом. И с тех пор Таня прячется там. В основном спит, почти ничего не ест, только пьет кофе и много плачет.

– У меня есть деньги, – сказала она спустя сутки после того, как он привез ее на эту квартиру. – Надо нанять хорошего частного детектива, заплатить ему, чтобы он нашел настоящего убийцу или убийц. Я сама ему все расскажу и объясню. Невозможно же все время прятаться, так недолго и с ума сойти.

Так было решено обратиться в частное сыскное агентство Крымова. За то время, что Таня и Саша провели вместе, Таня успела ему многое рассказать из того, что она знала об участниках разыгравшейся в Бобровке трагедии. Это от нее Саша узнал о том, что связь Сайганова с Ольгой Астровой уже давно не являлась тайной для Лены. Да и много чего другого, о чем он не имел представления. Например, что Юлику Прудникову Лера платила за то, чтобы он сопровождал ее на разного рода званые вечера, дни рождения и даже концерты…

Глава 9

Созвонившись в машине с Корниловым, Шубин с Женей Жуковой заехали за ним в прокуратуру и привезли в агентство. Надо было срочно обменяться информацией по делу и обсудить план дальнейших совместных действий. Женя, зная о том, что агентство плотно сотрудничает с прокуратурой в лице старшего следователя прокуратуры Виктора Львовича Корнилова, давнего друга Шубина и Земцовой, нисколько не удивилась, когда Шубин, прежде чем попросить ее достать из сейфа коньяк и приготовить закуску, первым делом протянул Корнилову конверт с деньгами. Это была его доля в расследуемом деле, за которое они получили гонорар от Саши Гольцева. Вот теперь можно было, судя по удовлетворенному выражению лица Корнилова, симпатичного, хотя и сурового на вид человека в толстом свитере и синих форменных брюках, начать работать. Женя, боясь пропустить хоть слово, принялась нарезать лимон и колбасу прямо в кабинете Шубина, за спинами мужчин, словно так и надо было, и делала все возможное, чтобы не привлекать к себе внимания важного, по ее мнению, посетителя, чтобы он так до конца разговора и не понял, что она в агентстве – человек новый и что не все ей полагается слышать как простому секретарю. Хотя она себя, конечно же, простым секретарем и не считала. Шубин еще в машине пообещал ей разрешить попытаться завязать с Валентином Нечаевым близкое знакомство, которое позволило бы выяснить характер его отношений с покойной Ольгой Астровой.

С первых минут пребывания Корнилова в агентстве Женя поняла, что он пришел не с пустыми руками. На столе появилась папка с медицинскими заключениями судмедэксперта Чайкина. Из разговора Игоря и Виктора Львовича Женя поняла, что трупы Ольги Астровой и Дмитрия Сайганова все еще находятся в морге, на территории медицинского института. Смерть Астровой наступила вследствие нанесения смертельного удара ножом в сердце, Сайганов же погиб от выстрела в упор. Пуля пробила висок и застряла в мозгу. Но если со смертью Сайганова было все ясно, то вот с убийством Астровой далеко не все понятно. К примеру, на ее теле в области груди, вокруг смертельной раны, нанесенной ножом, было обнаружено вещество, цветом и консистенцией напоминающее кровь, но на самом деле таковой не являющееся. Это вещество смешалось с настоящей кровью, принадлежащей Астровой, но происхождение его пока неизвестно. В том же веществе, со слов Корнилова, испачкана и одежда убитой. И если исходить из того, что вещество действительно внешне напоминает кровь, то напрашивается вывод, что изначально одежда вокруг предполагаемой ножевой раны была умышленно пропитана этим составом. Убитая хотела разыграть

собравшихся в Бобровке гостей, изображая труп. Однако нож, которым было совершено преступление, настоящий, из отличной стали немецкого производства. Такие ножи можно купить в хозяйственном магазине.

Корнилов пил мало, говорил много и в основном сыпал вопросами.

– Как я могу подозревать в убийстве Астровой кого-либо из этой странной компании, когда у них всех есть стопроцентное алиби? Зачем понадобилось домработнице сбегать из дома, тем самым навлекая на себя подозрение? И, главное, когда из дома сбежала Таня Камышина: до убийства Сайганова или после? На этот вопрос почему-то никто не мог ничего толком ответить. С одной стороны, выходило, что в момент убийства Сайганова, как раз тогда, когда раздался звук, напоминающий выстрел, Таня молола кофе в гостиной на глазах у остальных, поэтому не могла убить своего хозяина и родственника. Но с другой, есть свидетельства, указывающие на то, что Таня скрылась из дома до этого выстрела.

– Тому есть объяснение, – заметил Шубин, отправляя в рот ломтик лимона, – они же все были пьяные. Намеренно напивались, об этом мне рассказал Саша Гольцев, да и Лера Тарвид.

– Конечно, два трупа, напьешься тут… Теперь эта вдова. Она, если бы не проклятое алиби, была бы главной подозреваемой. Муж оставил все ей, даже завещание составил, хотя и без завещания и так все досталось бы вдове. Это недвижимость, машины, счета в банках… Живут же люди! Но я не верю в эти алиби. Это какой-то заговор. Здесь что-то нечисто. Потом следы. Я еще не рассказывал тебе о следах, что возле садового домика. Там прямо от этого садового домика, где был обнаружен труп Астровой, тянется цепочка следов предполагаемого убийцы. Очень хорошие отпечатки женских туфель, словно убийца-женщина сначала вошла в маленькую калитку, ведущую из сада в лес, убила Астрову, а потом той же дорогой вышла из сада и через лес – на дорогу… Возможно, ее там ждала машина. Туда приезжал кинолог с собакой. Покружились возле лесной дороги, и все: следы именно там обрываются. Хотя потом собака взяла снова след и привела к дому Сайгановых, поднялась на крыльцо, затем потянула за собой в чуланчик, где хранились щетки, ведра и прочие хозяйственные вещи… Там мы нашли туфли, правда, старые, женские, которые, по словам хозяйки дома Елены Сайгановой, принадлежат Тане Камышиной. Туфли, надо сказать, лежали не на виду, как обычно (Сайганова говорит, что Таня носила их, когда выходила из дома во двор или в сад, они

были вроде рабочих, но на небольшом каблучке), а за ведрами, под каким-то ящиком из-под рассады, которого раньше в чулане никогда не было. Вроде бы мелочь, но иногда от таких вот мелочей зависит ход расследования.

– Выходит, – неожиданно подала голос молчавшая до этого времени Женя Жукова, – что следы принадлежат Камышиной? Вам не кажется, что слишком уж гладко все получается? Сначала убивают Астрову, потом Сайганова – любовников! – а затем Камышина исчезает чуть ли не из-под самого носа милиции, приехавшей по вызову Сайгановой. И тут же обнаруживается, что и следы в саду и в лесу принадлежат ей и что все нити, пусть пока и тонкие, ведут к ней. Спрашивается, зачем ей было надевать свои туфли и бегать по саду и лесу, запутывая следы, если к убийству Астровой она не имеет никакого отношения?! Ведь известно, что никто из присутствовавших в доме не убивал Астрову – у всех алиби. Скажите, когда была убита Астрова?

Корнилов, воспринимая Женю как человека, посвященного в дела Шубина и, следовательно, которому можно доверять, иначе Игорь бы не позволил ей все это время находиться рядом, удивленно вскинул брови и пожал плечами: а действительно, при чем же здесь следы Камышиной, если у нее, как и у всех остальных, есть алиби на момент убийства Астровой?

– Исходя из экспертизы, она была убита приблизительно между часом и двумя…

– А поскольку в двенадцать, да и в час дня она убита быть не могла, – поддержал Шубин мысль Жени, – поскольку именно в двенадцать все начали собираться, а ближе к часу все сели за стол, значит, ее убили примерно в половине второго – как раз в то время, когда все остальные сидели за столом. Стало быть, если Камышина и была в саду в тот день, то вовсе не обязательно, чтобы это было после прихода гостей. Она могла выйти в сад утром или вообще вечером второго сентября, даже первого… И если предположить, что именно она является убийцей, то зачем ей было так откровенно следить на мягкой земле?

– Но она же не могла лететь по воздуху? – возразил ему Корнилов. – И что ей было делать в лесу? Я понимаю, сад. Там укроп, петрушка и всякое такое к столу, она действительно, как человек, который готовится к приему гостей, могла выйти в сад и сорвать зелень. Но в лесу-то ей что делать? Может, у нее была там назначена встреча с настоящим убийцей, а она была всего лишь помощницей? Но это я так, размышляю. А на самом деле мы еще не поговорили о

главном. Таня Камышина. Мы ее, значит, ищем, с ног сбились, а вы, черти, знаете, где она прячется, и не делитесь информацией.

– Виктор Львович! – воскликнул Шубин, усмехаясь. – Таня Камышина – наш клиент и обратилась к нам через посредника. Вряд ли, если бы она была виновна в смерти Астровой или Сайганова, она бы вообще осталась в городе. В том-то и дело, что мы взялись найти настоящего убийцу и теперь представляем интересы Камышиной. Не мне вам объяснять, как сложно нам работать с ней теперь, когда на нее объявлен розыск, да к тому же еще и строить отношения с вами. Поэтому предлагаю пойти на компромисс и на многое закрыть глаза. Считайте, что вы не знаете о существовании посредника и, следовательно, понятия не имеете, где скрывается Камышина.

– Да я и на самом деле ничего не знаю. Приехал вот к вам, выложил перед вами все карты, а вы прикрываетесь интересами клиента… – Но тут вдруг Корнилов понял, вероятно, что перегибает палку, потому что рука его, опустившись в карман, нащупала конверт с деньгами. – Хотя ладно, чего уж там. Не первый год работаем вместе. Мне пора. Я и так у вас тут засиделся. В сущности, я первый заинтересован, чтобы поскорее нашлись убийцы этих двух молодых людей.

– Пистолет, которым убили Сайганова, нашли?

– Нет. Там, в бумагах, есть и баллистическая экспертиза. Сайганов убит из немецкого «маузера» девятимиллиметрового калибра. Оружие 70-х годов, отличного качества, как сказал мне эксперт по телефону. Оружие нигде не зарегистрировано, в отличие от испанского пистолета «стар», того же калибра, но современной конструкции с ударно-спусковым механизмом двойного действия, обнаруженного в сейфе самого Сайганова и зарегистрированного на его имя. Хорошее оружие, им почти не пользовались.

– Я могу сделать ксерокопии экспертиз? – спросил Шубин, заранее зная ответ, между тем как Женя уже включила ксерокс.

– Нет проблем.

Спустя полчаса Корнилов ушел – за ним приехала машина. А Шубин с Женей отправились в морг к Леше Чайкину.

Была уже ночь. Моросил дождь, и «дворники» лениво скользили по стеклу автомобиля. Женя немного робела перед встречей с покойной Астровой, хотя, с другой стороны, ей было страшно любопытно увидеть женщину, красота которой, возможно, и послужила причиной ее смерти.

Леша Чайкин, спокойный худощавый блондин в длинном фартуке в застарелых бурых пятнах, улыбнулся, увидев Шубина.

– Привет, старик, проходи. Кто эта милая девушка, которая не побоялась прийти с тобой сюда, да еще и ночью? Кажется, моя протеже?..

– Да, это та самая Женя. Видимо, хорошо набрался на той вечеринке, что даже забыл, кого кому рекомендовал.

– Рад познакомиться… Вернее… извините… встретиться. – Леша поклонился Жене и даже поцеловал ей руку. – Вот ведь что с памятью бывает…

– Пить надо меньше, – посоветовал ему, красноречиво постучав по голове указательным пальцем, Шубин.

– Мое царство, – сделав вид, что пропустил это замечание мимо ушей, Леша Чайкин обвел руками пространство вокруг себя и широко улыбнулся обмирающей от страха Жене. – У меня здесь так скучно, тихо и, самое главное, даже поговорить не с кем.

– Мы пришли посмотреть на Ольгу Астрову, – с важным видом, но нервно, судорожно сглатывая слюну, чтобы ее не стошнило от характерного запаха, проговорила сама не своя от волнения Женя. – Она еще здесь?

– Здесь. Я и сам на нее еще не насмотрелся, – ответил в своем духе склонный к черному юмору Чайкин. – Проходите, будьте как дома…

Игорь больно ткнул ему пальцем в бок, требуя немедленно прекратить свои шуточки.

– …но не забывайте, что в гостях, – все-таки не удержался и закончил свою мрачноватую и явно недвусмысленную фразу Леша.

– Хорош трепаться, смотри, она и так едва жива…

Они вошли следом за Чайкиным в зал, где в тусклом желтоватом свете виднелись расставленные по периметру металлические столы на колесиках, на которых лежали тела. Некоторые из них были прикрыты оранжевыми клеенками, другие – посеревшими от времени и многократных стирок простынями.

– И где же Астрова или Сайганов? – спросил Шубин, приподнимая и разглядывая нечто спрятанное под клеенками и простынями, от чего Женя просто-таки содрогалась. – Какие-то выпотрошенные мужики, страшные и синие… Бррр…

– А они у меня в холодильнике, сейчас привезу.

Первой «приехала» каталка с трупом Астровой. Стройное, удивительно белое тело с грубым швом посередине – от горла через грудину и до самого лобка. Синюшная, словно с опаленными краями, которые на самом деле были окрашены запекшейся кровью, глубокая рана на груди напомнила онемевшей и едва стоящей на ногах Жене, как была убита девушка. Лицо покойной было умиротворенное, красивое и обрамленное густыми светлыми волосами. Брови вразлет, полуоткрытые губы, маленький нос, высокие скулы. Она действительно при жизни была хороша, подумала с тоской Женя, чувствуя, что ее сейчас вывернет наизнанку. Леша поднес ей стакан с водкой и заставил сделать несколько глотков.

– Пей, легче будет, – подбодрил он ее. – Значит, так. Я слышал басню о том, что девчонки решили кого-то там удивить, и про костюм из птичьих перьев тоже слышал… Что я могу сказать, люди с фантазией. Не то что мы, горькие пьяницы и некрофилы, я правильно говорю, Игорек?

Шубин почему-то залился краской и явно смутился, словно ему было неудобно перед Женей за столь бесцеремонное поведение своего приятеля-судмедэксперта.

– Эта девушка удивила, я думаю, всех. И жаль, что ей так и не достался приз. А она старалась. Очень старалась, чтобы удивить и уложить всех сразу наповал. Думаю, что она сама, своими ножками, вот этими красивыми и стройными ножками вышла из дома, где все сидели за столом, зашла в садовый домик…

– Слушай, Чайкин, откуда тебе все известно?

– С Виктором Львовичем пиво пили, – пожал тот плечами и подмигнул Жене, внимательно слушавшей его.

– Понятно. И что же?

– А то, что вся ее одежда была пропитала киношной кровью. Специальный состав, я проверял, сравнивал, делал анализ и просил Нору проверить по своим каналам, существует ли аналог этому составу. Она сделала запрос в Москву, и оттуда пришел ответ, что таким веществом пользуются киношники, понимаешь? Это говорит о том, что Ольга Астрова готовилась к конкурсу довольно основательно. Откуда-то раздобыла эту «кровь», купила или просто взяла из дома нож, зашла в садовый домик, легла на пол, вылила на себя этот томатный сок (так я про себя называю эту гадость), воткнула или как-то пристроила в складках одежды рукоятку от ножа…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/danilova_anna/mal-tiyskiy-apel-sin

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити